

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Архангельском–Тюриково 1755–2005

Издательство Миссионерско-Просветительского Центра

«ШЕСТОДНЕВЪ»

2005

По благословию
Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси
Алексия II

Сочинение о малоизвестном пока храме у пределов Москвы можно признать в определенном смысле образцовым и знаковым: такие, с душевной отдачей и равнодушием написанные книги нужны нашей Церкви и обществу. И притязание создателей книги на непреходящий гриф «По благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II» по прочтении книжки воспринимаешь не только как выражение любви к своему Первосвятителю, стремление освятить труд его благословением, но и как получение заслуженного знака: нужно и дорого Русской Церкви. Обычно книги подобного «местного масштаба» получают у нас простой разрешительный гриф Издательского Совета. Но, познакомившись с этой книжечкой, видишь, что она – масштаба не местного, а общецерковного: срез России и Церкви, труд любви.

Редактор Издательского Совета
Русской Православной Церкви
Елена Тростникова.

ISBN: 5-902884-03-9

© Миссионерско-Просветительский Центр
«ШЕСТОДНЕВЬ»

**Храмовый образ Успения Пресвятой Богородицы
2-я половина XVIII в.**

*Х*рамы Успения – с возрождением!
Лица светятся умилением,
Неземное почувдится пение:
«Слава в вышних Богу и на земле мир,
В человецех благоволение!»»

Введение

Во дворех дому Господня

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин

Когда в зелёной колеблющейся массе возникает просвет, замечаешь песочно-золотистый кусочек стены. Это выдвинулась из-за поворота тропинки колоколенка, небольшая, но удивительно соразмерная, как будто игрушка на детской ладони. Она выступает и скрывается за собой сам храм – на первый взгляд очень маленький, а, скорее – сосредоточенный, собранный в своей глубине для единственного: молитвы.

Это – твой храм. Храм Успения Пресвятой Богородицы, удел Царицы Небесной. Это наш храм – всех тех, кто прибегает к покрову Пречистой Девы. Это храм наших предков. Это храм наших детей.

Гулкие звуки колокольного гласа расходятся кругами, терпеливо и настойчиво зовут к самому важному, но забытому сердцами человеческими. То – Часы, текущие в стенах храмовых, Часы, знаменующие начало Литургии. Они собирают верных под своды, соединяют и приуготовляют каждого к небезучастному присутствию при совершении Таинства...

И вот ты выходишь из парка к ограде. За ней – преддверие мира иного, потому, наверное, там такое

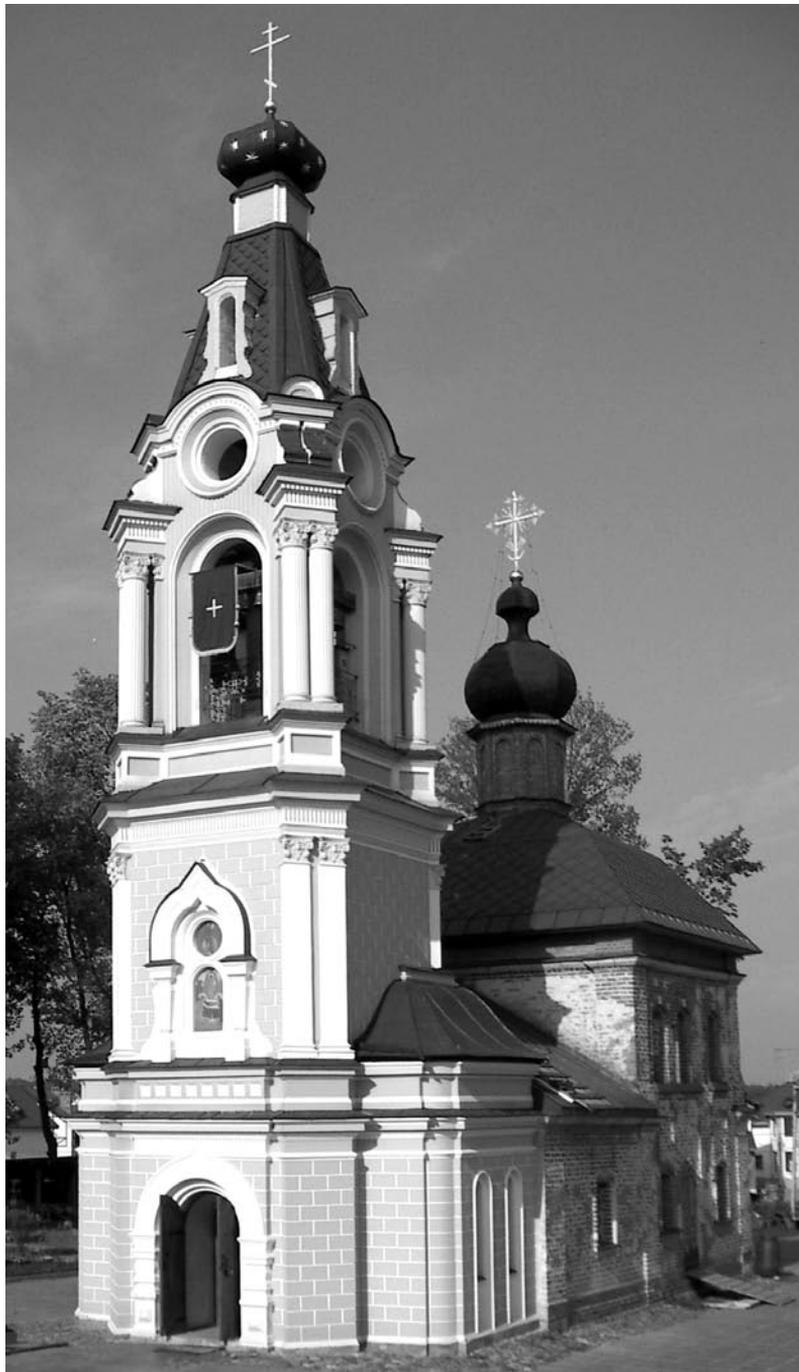
обилие цветов. Переводя взор от них вверх, вновь видишь вблизи колокольню этого необычного храма. Теперь она особенно напоминает восковую свечу, да не ту, похожую на вытянутый цилиндр, отлитую по стандарту, с помощью механизмов, а скатанную вручную, с тонким и острым навершием. И, как зажжённый фитиль, её главу венчает огонь креста.

Пересекая серые плиты неширокого двора, ты заметишь надвратную фреску. Это – Успение Пресвятой Богородицы. В полукруглом кивоте неяркие цвета красок создали окно, сквозь которое видна Богородица на ложе и Спаситель, держащий на руках Своих Её младенческую душу.

Тяжёлые дубовые двери, окованные железом, открываются медленно, и вот, наконец, можно войти внутрь...

* * *

Во времена царствующего Закона, до пришествия на землю Спасителя, люди имели один Дом Господень, место, где они могли говорить с Богом, а Бог с ними – Иерусалимский Храм. Христос оставил нам Церковь. Теперь народ

Храм Успения раскрывает свои двери

Божий может поклоняться Отцу в Духе и Истине (Ин. 4:23) на любом месте, воздвигать храмы повсюду. И каждый такой дом молитвы (Мф. 21:13) имеет свои, присущие только ему особенности. При схожести внутреннего и внешнего устройства храмы, как люди, различаются чертами лица. Потому-то прихожане выбирают тот храм, что им больше по сердцу, где их молитва – горячее, а служба – радостнее. А может быть, не мы выбираем себе храм, но Господь и Матерь Божия привлекают нас к тому или иному месту...

Верующие собираются даже вокруг тех храмов, которые превращены в развалины, не подлежащие, казалось бы, никакому восстановлению. Так постепенно воскрешается то, что разрушили люди и время. Восстановители сами, может быть, не верят до конца, что возродить порушенное – в человеческих силах, но надеются на милость Божию. И Господь даёт им и силы, и возможность, и благодать.

Заново отстроенный, отреставрированный храм всегда не похож на себя прежнего. В каждую деталь, сработанную руками, человек вкладывает часть своей души. И эта

лепта, отданная Богу, большая или малая, запечатлевается в возведённых архитектурных и живописных чертах, преображая их, перевоплощая старое обличие по-новому.

* * *

...И вот медленные двери открыты перед тобою. Своды храма производят ощущение светлой скальной пещеры, кувуклии, отрезанной и отрешённой от мира. Кажется, растворённое золото плавает внутри, застилает глаза телесные, чтобы открылись очи духа. Пахнет ладаном, тёплым воском свечей, деревом, хлебом с кануна, тонко – живыми цветами, стоящими перед иконами. Слова Часов поднимаются под купол, как будто стущаются там и обрушиваются вниз, в многочисленное собрание верных.

Кончается Проскомидия, сейчас начнётся Божественная Литургия. И с первым возгласом батюшки, с первыми песнопениями, зазвучавшими с клироса, души прихожан сольются в единую молитву храма, соединятся в молитве многих храмов во всей полноте Церкви Христовой, и мы ощутим связь с теми, кто жил и молился здесь прежде нас.

Часть первая

**История становления
усадыбы и храма
от Рюрика и Тюррика**

**ОТЦЫ НАША ВОЗВЕСТИША НАМ
ДЕЛО, ЕЖЕ СОДЕЛАЛ ЕСИ
ВО ДНЕХ ИХ, ВО ДНЕХ ДРЕВНИХ**

*Д*вести и пятьдесят –
Четверть тысячелетия.
Колокола звонят,
Радостней всех на свете я!

*Выстроен, обновлен
Храм, что Успения!
Ангелов смотрит сонм –
Наше спасение.*

*Синий возмю платок –
Престольное празднество.
Двести и пятьдесят
Снем анафистов!*

*Путники, не стой – зайди!
С нами порадуйся!
Пост позади –
Престольное празднество!*

Прежде основания села Архангельское-Тюриково

Место, где сегодня красуется храм Успения в Архангельском-Тюриково, располагается на севере от Москвы, близ 20-й версты по старинному Дмитровскому тракту, «...в древнее время эта страна называлась: Манатын, Быков и Коровин стан, к которому принадлежала Бутырская слобода»¹.

Дата постройки первого храма на этих землях неизвестна. Мы знаем только, что храм здесь появился, по всей видимости, между 1400 и 1430 годами.

Что касается сведений о более ранней истории этих окрестностей, то достоверно выделяется пока лишь одно свидетельство – в списках памятников археологии на территории Москвы, датируемых второй половиной XIII века, значатся: «Грунтовый могильник у церкви в быв. с. Архангельское-Тюриково» и «Селище в быв. с. Архангельское-Тюриково». Значит, люди жили здесь уже в том веке, когда татаро-монголы огнем и мечом прошли по Руси, разорив и маленький городок Москву с его окрестностями. А спустя сто лет после первого прихода захватчиков городок этот – уже центр удельного княжества, ведущего борьбу за ярлык на великое княжение с Тверью. На территории современного ближнего Подмосковья жители расселялись с учетом опасностей, угрожавших границам государства. Южные окрестности Москвы были откры-

ты нашествиям кочевников, восточные – набегам казанских татар. Потому именно на тех направлениях вокруг Москвы князья устраивали «слободы», т.е. поселения, жители которых были освобождены от многих налогов. Северные же и западные окрестности города – как более безопасные – были, в основном, заняты частными владениями – княжескими селами.

«Самыми типичными для Подмосковья XIV-XVI вв. селениями – пишет известный историк С.Б. Веселовский – были господское село и крестьянская деревня. Рассказывая о них, следует тотчас оговориться, что села и деревни того времени были во многом не похожи на те селения, которые мы знаем в XIX веке <...> Все тяглое население боярщин, за которым не ранее XV в. утвердилось название крестьян, жило в мелких деревнях, разбросанных на полянах, расчищенных от леса. Деревню в 1-3 двора следует считать типичной для того времени. Деревни в 4 и более дворов были исключением»². Дело в том, что на ранних стадиях освоения подмосковных территорий, когда леса еще только расчищались под пашни, крестьяне предпочитали селиться небольшими группами на отдельных полянах. Это были даже не деревни, а хутора, состоявшие зачастую из одной или двух связанных узами родства семей.

Известная с начала XV в. деревня Тюриково стояла на территории, издревле освоенной такими мелкими, в 1-3 двора, хуторами. И в первую очередь об этом свидетельствуют названия окружающих пустошей, упоминающихся во всех официальных документах.

«Село Тюриково на суходоле, а в нем был храм во имя Архангела Михаила, да к той церкви пустошь Ильшина... пустошь Мячкино а Ячкино тож, Дурихино... Подберезье, Кононово»³. Историки отмечают, что при изучении материалов писцовых книг XVI-XVII веков обнаруживается одна и та же ситуация – вслед за упоминанием названий немногочисленных поселений перечисляется большое количество пустошей, «что были деревни». На то, что так было и на месте основания села Архангельское-Тюриково, указывает происхождение названий Ильшина, Кононово и Мячкино. Если название соседней с ними пустоши «Подберезник» имеет, скорее всего, топографическое происхождение, то в случае с остальными мы, видимо, сталкиваемся с запечатленными именами собственными – названиями существовавших

на этой земле поселений, произошедших, в свою очередь, от фамилий владельцев. Такое заключение позволяет с высокой степенью вероятности определить имя первого известного нам владельца земли, вошедшей позже в числе прочих в состав поместья.

Иван Мячик был внуком выехавшего в службу Дмитрию Ивановичу Донскому теврижского (армянского) посла Олбуга (узбекск. – «окунь»). Великий князь щедро одарил нового слугу землями. Его ближайшие потомки были очень богатыми людьми, однако довольно быстро растеряли большую часть своих первоначальных владений, не умея, видимо, приспособиться к хозяйству в новых и непривычных условиях. Фамилия вскоре исчезла из исторических документов, оставшись в названиях четырех селений Подмосковья и пустоши близ села Архангельское-Тюриково. Небольшая деревенька Мячково существовала здесь, видимо, во второй половине-конце XIV в., незадолго до появления нового хозяина земли и основателя нового села князя Федора Дмитриевича Всеволожского (Всеволожа).

От рода сего и во век

Род Всеволожских, как и большинство старых и знатных боярских родов, ведет свое прямое происхождение от Рюрика – основоположником фамилии считается его потомок в XVI колене смоленский князь Александр-Всеволод Глебович. Основатель Архангельского-Тюри-

кова Федор Дмитриевич – это его внук, сын Дмитрия Александровича, бывшего воеводой Передового полка в воинстве святого благоверного князя Дмитрия Донского на Куликовом поле.

К сожалению, историкам очень немного известно о личности пер-

вого владельца нашего села. Чаще всего он упоминается лишь как брат влиятельного царедворца Ивана Дмитриевича – личности в истории средневековой России замечательнейшей. Намереваясь выдать свою дочь за великого князя Василия II, лукавый боярин интригами привел его к власти в обход дяди и таким образом фактически утвердил новый, от отца к сыну, порядок престолонаследия. Когда же великий князь от брака отказался, он попытался повернуть все вспять, причем на этот раз результатом хитроумных интриг Ивана Дмитриевича стало ослепление юного Василия, прозванного из-за этого Темным. После скорого его возвращения на престол Иван Дмитриевич явился с повинной, но сам был ослеплен и умер в тюрьме. Брат же его, владевший Архангельским, жизнь, по всей видимости, вел гораздо менее громкую, и знаем мы лишь то, что владел он землями под Москвой и Переяславлем, имел жену и двух сыновей (не считая дочерей), а также, и это для нас гораздо более важно, прозывали его «**Тюрик**».

Годун, Сабур, Курака, Зерно, Глаз, Литвин, Кольцо, Клубок, Горбатый, Зубатый – все это прозвища родоначальников известнейших фамилий русского дворянства. Иные прозвища приживались, входя в состав фамилии отдельной ветвью (Литвиновы-Мосальские, например), иные и вовсе вытесняли изначальную фамилию носителя (Годуновы), а очень многие – исчезали, волей случая сохранившись лишь в топонимах. Такая судьба постигла прозвище Федора Дмитриевича

Всеволожского. Основанная им деревня стала называться Турикова, или – Тюриково. По всей видимости, благодаря своему удачному расположению или значительному на тот момент количеству жителей, деревня эта стала объединяющим центром для близлежащих земель. Превратилась из деревни в село после того, как была построена деревянная церковь во имя Архангела Михаила. И вот что хотелось бы отметить по этому поводу: гербы многих родов, ведущих свое происхождение от Рюрика, имеют в своем рисунке герб великого княжения киевского – память о тех временах, когда великокняжеским был принадлежавший их предкам киевский стол (престол). На гербе этом изображен «Ангел в сребротканной одежде, держащий в правой руке серебряный Меч, а в левой золотый щит» – Архангел Михаил, до сегодняшнего дня почитаемый как покровитель Киева. Не оттого ли именно Архангелу Михаилу была посвящена первая построенная на наших землях церковь?

Выясним, какое же значение имело прозвище «Тюрик». Толковый словарь Даля дает ему следующие определения: «могушка, кубышка... которую быстро вертят, погоняя ладонью, и наматывая на нее пряжу с воробьев... род деревянной воронки, для наливки дубильного квасу в бараньи мехи... мешок вообще, или сума... головная девичья повязка, колпак»⁴. Какому из этих предметов обязан был Федор Дмитриевич своим прозвищем – гадать не станем.

Посвящение храма Архангелу Михаилу и прозвище князя Федора

Дмитриевича Всеволожа дали селу двойное название – Архангельское, Тюриково тож.

И вновь обратимся к рассказу С.Б. Веселовского о поселениях того времени: «Все население села обыкновенно состояло из самого хозяина с чадами и домочадцами и большего или меньшего числа слуг и рабов. На господском дворе стояла теплая изба с горницей, крытая обыкновенно тесом, а в одном срубке с ней или через сенцы к теплой избе примыкала “повалуша” – холодная летняя пристройка. Вокруг главной избы располагались различные службы: ледники с напоребницами, сараи, конюшни и т.д. Возле господского двора лепились “дворцы” слуг и холопов. Если господское село находилось на суходоле⁵, а не при речке, то при нем неизменно был копаный пруд»⁶. Первые полтора века своего существования село Архангельское-Тюриково располагалось полуверстой (~500 м.) севернее нынешнего Успенского храма – там, где до сих пор наследством от прежних церк-

вей существует Старомарковское кладбище. На его территории – там, где сейчас могилы, – и находилось, по всей видимости, первое село.

У Федора Дмитриевича было двое сыновей, однако оба умерли в молодости «безпотомными», т.е. бездетными – Федор Федорович погиб в битве с литовскими людьми под Белевом (1436), а Никита – сопровождая великого князя Василия в Орду (1431). Сам Федор Дмитриевич умер не позднее 1430 года.

Род Всеволожей исторически был тесно связан с монастырями Троице-Сергиевым и Переславским Горицким – туда бояре ездили на богомолье, туда жертвовали земли, там принимали иночество их вдовы. Федор Дмитриевич неоднократно жертвовал Переславскому Горицкому монастырю земли из своих переславских вотчин; постригшаяся в монахини под именем Софьи вдова его Соломонида пожертвовала земли Троицкому монастырю в Переславле-Залесском.

Подмосковная вотчина московского градоначальника

По документам 1498 года, то есть спустя семьдесят лет после смерти Федора Дмитриевича, владельцем нашего села числится знаменитый боярин, воевода, московский наместник и к тому же двоюродный брат самого великого князя Иван Юрьевич Патрикеев. Мы можем

даже попытаться проследить, как к нему попали эти земли.

Большая часть земель Федора Дмитриевича Тюрника досталась его дочери Марье, вышедшей замуж за известного боярина Ивана Васильевича Оболенского. Есть основания считать, что эта боярыня

принимала самое живое участие в судьбе своих племянниц – малолетних внучек того самого казненного Ивана Дмитриевича Всеволожа, интриговавшего сначала в пользу Василия II, а потом – против него. Сыновья лукавого царедворца – Семен и Иван – «коснели в безвестии», расплачиваясь за отцовские провинности, а вот дочери их, усилиями тетки Марьи Федоровны, смогли сделать блестящие партии. Вторая по старшинству, Ксения Ивановна, вышла замуж за Ивана Булгакова, сына Патрикеева.

Собирая безземельным племянница приданое, Марья Федоровна отдала основанное отцом Архангельское-Тюриково Ксении. Так село с землями попало во владение рода Патрикеевых. Такое, правда, могло случиться, только если супругом Ксении Ивановны был Иван Васильевич Булгак, племянник Ивана Юрьевича, умерший еще при жизни дяди – именно такой версии придерживаются одни источники. Другие же называют супругом внучки опального царедворца Ивана Ивановича Булгака по прозвищу Мошок – внучатого племянника Ивана Юрьевича, который умер гораздо позднее дяди и передать ему земли по духовной никак не мог. Тем ли, иным ли путем, раньше или позднее – но в конце XV века Архангельское-Тюриково уже числится во владении Патрикеевых, в собственности одного из известнейших представителей этого древнего рода.

Значение Патрикеева как государственного и военного деятеля во второй половине XV в. было необы-

чайно велико: он не раз «возглавлял московские рати», а в 1480 г., во время нашествия хана Ахмата, когда великий князь «пошел навстречу татарам», его двоюродный брат остался в Москве наместником. Иван Юрьевич выполнял поручения и более «братского» характера: в 1492 г., когда Иван III на месте своего старого деревянного двора решил строить новый каменный, он вместе с семьей переселился в палаты Ивана Юрьевича, в новый двор, стоявший напротив церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Если великому князю требовалось решить какое-либо щекотливое дело в Литве, он посылал туда именно Ивана Патрикеева, которого там знали и чтили не только за высокое положение в Москве, но и за родство с великими литовскими князьями. Впоследствии на дипломатическом и военном поприще выдвинулся и старший сын Ивана Юрьевича — Василий. В руках Патрикеевых находилось также руководство высшей судебной инстанцией, созданной на основе Судебника 1497 г. (по некоторым данным, сам Судебник был написан Патрикеевыми). Тем более неожиданной оказалась опала этого боярского рода, случившаяся в 1499 г. и оборвавшая блестяще начавшуюся карьеру князя Василия Патрикеева-Косого. Об опале Патрикеевых в летописях — лишь глухие и отрывочные сведения. Упоминается она в ряду других известий о борьбе, происходившей при дворе Ивана III в 90-х годах XV столетия.

Достоверно известно лишь то, что в споре о престолонаследии

Патрикеевы встали на сторону партии Елены Волошанки с сыном ее Дмитрием — внуком Иоанна от первого брака.

Против стояла София Палеолог со вторым сыном Ивана III — Василием, которому и суждено было стать следующим государем. Патрикеевых — князя Ивана и сына его Василия — постригли в монахи.

Зато их миновала участь боярина Ряполовского, сложившего за сие супротивничество голову на плахе. Миновала их и участь новгородских еретиков, к которым князь Василий был косвенно

причастен, хотя доказательств тому нет, как нет и согласия на сей счет у историков.

В постриге Иван Юрьевич прожил недолго – в 1500 году он умирает, не оставив наследников (к сыну-иноку Вассиану Косому земля перейти не могла), и «выморочное» (т.е. лишенное хозяев) село с прилегающими полями переходит, по всей видимости, в ведение государства, распорядившегося им в соответствии со своими интересами. Следующие владельцы Архангельского-Тюрикова – князья из рода Лобановых-Ростовских.

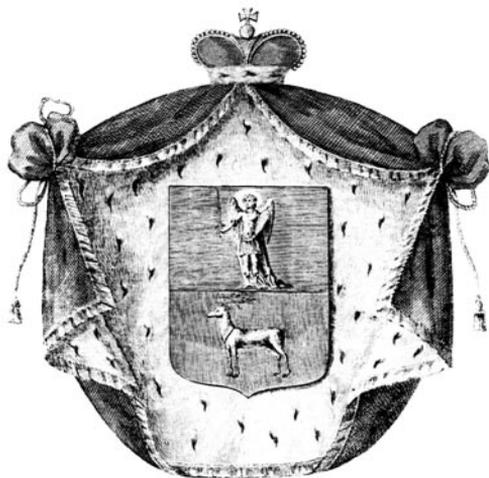
Лобановы-Ростовские и «семибоярщина»

Ростовские, как род древний и уважаемый, также вели происхождение от Рюриковичей, называя своим родоначальником равноапостольного князя Владимира, правнук которого Константин (сын Всеволода Большое Гнездо) сел в свое время на ростовское княжение.

Иван Алексеевич Лобан служил с 1496 по 1512 г. воеводою в многочисленных походах великого князя московского против шведа, литвы и татар. Князья Лобановы-Ростовские Российскому Престолу служили в знатных чинах и жалованы были за службу Отечеству от Государей поместьями, а также другими почестями и великокняжескими милостями. Одной из таких милостей, видимо, стало и получение князем

из рода Ростовских земель в северной части Московского уезда. Вполне вероятно, впрочем, что земли получил не сам Иван Александрович, но один из пятерых его сыновей, фамилия которых была уже – Лобановы-Ростовские: Иван Большой, Семен, Борис, Андрей, Василий или Иван Меньшой, что погиб в 1514 году под Оршею в сражении с литовскими людьми.

Неизвестно, когда и по каким причинам Лобановы-Ростовские оставили Архангельское-Тюриково. Род этот в дальнейшем не пресекся. Представители его были стольниками и воеводами, а позднее – генерал-губернаторами множества городов, дипломатами и высокого ранга чиновниками. Был среди них и обер-прокурор Сената, и

**Герб рода князей
Лобановых-Ростовских**

министр иностранных дел. Один из Лобановых-Ростовских Высочайшим указом подготавливал переговоры с Наполеоном в 1807 году.

* * *

С середины XVI века, однако, село Архангельское-Тюриково принадлежит уже другим владельцам.

Это – Петр и Никита Годуновы, Мисюра Перхушков, Иван, Богдан и Ждан Сабуровы, а также Юрий Тутолмин. Все они числятся владельцами земель Архангельского-Тюрикова одновременно – и в связи с этим следует отметить, что поместное землевладение не всегда было землевладением исключительно индивидуальным. Нередко в одно место «испомещалось» одновременно несколько служилых людей, и землей поэтому они должны были распоряжаться сообща, разделяя свои доли по взаимному согласию или же владея землями

на общем праве. Обычно первыми расходились в личное пользование усадебные земли и деревни; леса же, сенокосы и пустоши оставались иногда в общем владении долгие годы. Так скорее всего и было в Архангельском-Тюриково, окруженном пустошами и лесами. Доля каждого помещика переходила по наследству независимо от других.

Что знаем мы о перечисленных владельцах села в XVI веке? По всей вероятности, неизвестный большинству родословных книг род Перхушковых, а также Тутолмины, первая дача земель которым отмечается в 1570 году, появились в Подмосковье вследствие указа Иоанна Грозного от 3 октября 1550 года. Тогда, стремясь создать в Москве значительный военный корпус, царь перевел из городов до тысячи провинциальных служилых людей и роздал им поместья в Московском и соседних с ним уездах.

Большей частью села, однако, владели потомки рода Зерновых, родственники Годуновы и Сабуровы.

Сабуровы Иван, Ждан и Богдан служили в царствование Иоанна Грозного и сына его Феодора. Иван Федорович, дядя Ждана и Богдана, был в 1567 году воеводой г. Полчева, а в 1574 – Тарваса. Моисей Стефанович (Богдан) воеводил в Копорье, брат его Ермил Стефанович (Ждан) – в Гдове. Известно также, что в 1595 году Ждан был отправлен «ставить города» в устье Яика.

А Никита Васильевич Годунов был в 1581 г. поезжанином, т.е. правил лошадьми в свадебной свите

царя Иоанна, а в 1599 г. – получил чин окольничего. Нам известно также об участии его в созванной царем Борисом Федоровичем Годуновым боярской думе. Вот что писали об этом исследователи: «Достигший престола Борис Федорович вводит в думу еще своих сородичей: Ивана Ивановича, Степана Степановича, Якова Михайловича Толстого, Матвея Михайловича, Никиту Васильевича Асанова, и, наконец, Ивана Михайловича Асанова. В истории боярской думы это было совершенно небывалым явлением. Царь Борис не только не боялся соперничества своих сородичей, как это часто бывало, но, очевидно, был уверен в их родовой дисциплинированности и неизменной поддержке не за страх, а за совесть.

<...> Княжата и боярство были способны в то время только к образованию партий и временных коалиций, и одни лишь Годуновы и Захарьины-Кошкины вступили в борьбу сплоченными родами, сумевшими сохранить на протяжении трех веков родовую дисциплину и верность родовым традициям»⁷. Умер Никита Васильевич Годунов, или, по имени деда, Асанов, в 1622 году, оставив в наследство сыну Алексею среди прочего и свою часть земель в Архангельском-Тюриково. Жена его Анна Иванова, в иночестве Александра, умерла в 1637 г.

Брат Никиты Петр Годунов в 1591 году был воеводой в Болхове, в 1597 пожалован вотчиной и поместьем в Рязани, а в конце жизни принял иночество под именем Порфирий.

Смута

«Начало XVII века представляет в государственной жизни московской Руси одну из тяжких эпох ее истории, – эпоху самозванцев, эту многоактную трагедию, в длинном строе участников которой одни являются перед нами заклеяменными судом истории, как преступники против народа и родины, другие же в ореоле светлых доблестей, выказанных ими в ту же тяжкую годину московского разоренья». Эти строки взяты из исторического труда Н.Е. Бранденбурга, посвященного роду Мосальских, представители которого получили вскоре после окончания смуты Архангельское-Тюриково во владение. В писцовых

книгах 1623-1624 года село значится в поместье «за князем Андреем Даниловым Сицким, по государевой грамоте 7098 (1590) г., за женою боярина князя Семена Куракина вдовою княгинею Еленою со стольником князем Григорьем Куракиным, за князьями Иваном Даниловым и Васильем Володимировым Мосальскими, за князем Андреем Федоровым Литвиновым, за Дмитрием Федоровым Скуратовым, за Иваном Михневым и Алексеем Никитиным Годуновым...»⁸. Общее владение стольких господ было разорено до крайности – церковь Михаила Архангела уничтожена, а в самом селе осталось всего «5 дво-

ров помещиковых, в которых жили дворовые и деловые люди». Это – последствия Смуты, об участии в

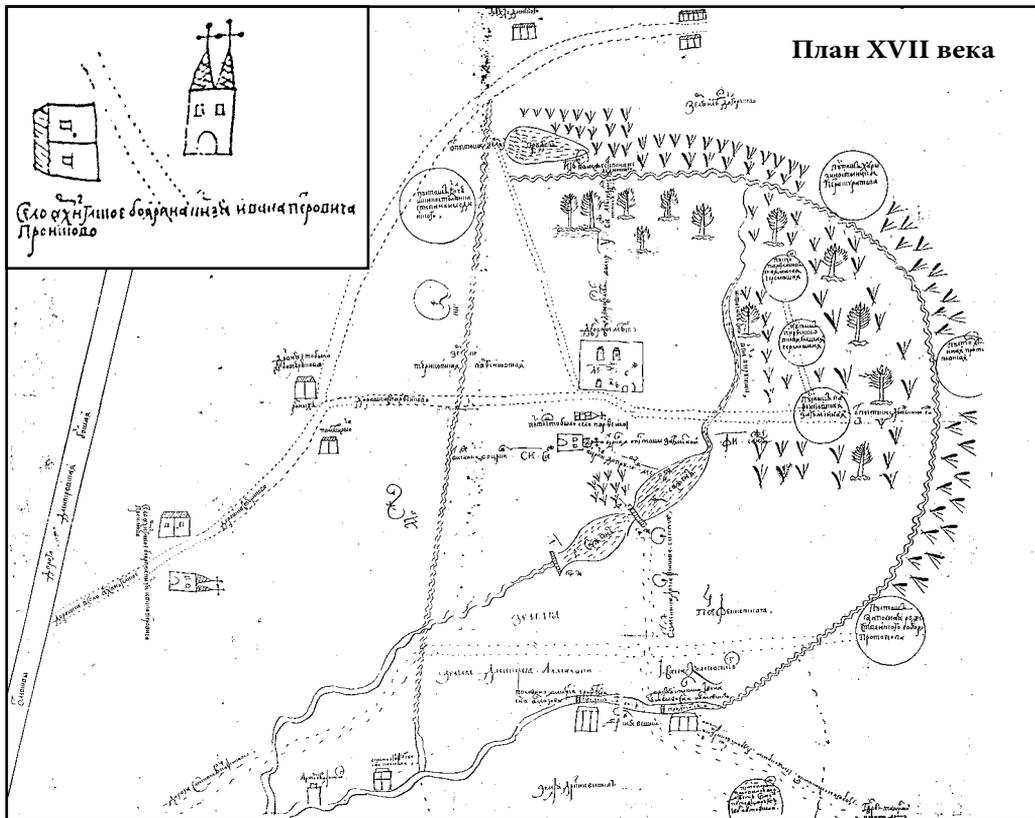
событиях которой кое-кого из новых владельцев села нам известно нечто интересное.

Кукорекa

Наиболее заметной фигурой этого периода из перечисленных дворян был, безусловно, Андрей Федорович Литвинов-Мосальский по прозвищу «Кукорекa».

В хрониках своего времени он упоминается чаще всех остальных Мосальских. В большинстве своем сведения эти касаются участия князя в тех или иных церемониях. Князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский, как и родственники его Иван и Василий, также владевшие Архангельским-Тюриковым, присутствовал на свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек, 8 мая 1606 года приехавшей к жениху в покоренную Москву. *«Лета 7114 Мая в 8 день женился рострига на Маринке, а венчал его в Пречистой соборной церкви патриарх Игнатей. В поезде были дворяне московские: ...князь Иван Данилович Мосальской <...> А у подклети сидели бояре: А. Нагой, да князь Володимир Васильевич Кольцов-Мосальской <...> А в мыльню ходили: князь Василий да князь Андрей Федоровичи Литвиновы-Мосальские»⁹*. Автор исследования объясняет, что «во всем этом впрочем еще не выражалось какого-либо особого положения, которое бы занимали поименованные члены описываемой фамилии, отнесенные своей политической

роли при самозванце; участие их в церемониале было делом чисто внешним, без особого внутреннего значения...» Действительно, приближенный к Лжедмитрию князь из рода Мосальских – Василий Михайлович, получивший от растриги титулы дворецкого, боярина, верховного маршала, правителя северского и воеводы нижегородского, первым из всех сдавший войскам самозванца важнейший пограничный город Путивль и после смерти первого пошедший за вторым Лжедмитрием – был приглашен спустя четыре дня после свадьбы на второй, устроенный специально для польской свиты Марины Мнишек пир, где и оказался чуть ли не единственным русским. Андрей Федорович же, Иван Данилович и Василий Владимирович, чьи отцы еще при Иване Грозном стали московскими дворянами, просто выполняли, видимо, приказы очередного государя, лишённые данной нам возможности оценить круговерть Смуты со стороны. Впрочем, несколько позже мы встречаем Андрея Федоровича в числе приверженцев уже второго самозванца – Лжедмитрия II, «тушинского вора», а еще спустя некоторое время он уже стоит во главе посольства к пришедшему тогда на русскую землю польскому королю Сигиз-

мунду. Князь должен был передать ему просьбу некоторых московских бояр прийти к Калуге и помочь в уничтожении войск Лжедмитрия. Бранденбург объясняет, что «цель поездки князя Андрея Мосальского шла собственно еще далее; сторонники Сигизмунда старались о скорейшем прибытии самого короля с войсками в столицу и поход его под Калугу должен был служить маскировкой движения польских войск к Москве». Известно, что решительный отпор ряда московских дворян – в том числе и отказ патриарха Гермогена подписать воззвание к Сигизмунду – помешал сдаче Москвы приглашенному под

благовидным предложением польскому королю. Несмотря на это, князь Андрей Федорович получил от Сигизмунда звание кравчего¹⁰, поместье в Муромском уезде и грамоту на совместное с родичами владение древней вотчиной рода – городом Мосальском.

Но вот престол занимает всенародно избранный русский царь Михаил Федорович Романов – и что же? Несмотря на весь свой «послужной список», князь Литвинов-Мосальский при дворе и в чести у нового государя. Одной из серьезных причин этого возвышения стал, возможно, брак его сестры, княжны Ульяны Федоровны с Иваном

Никитичем Романовым, родным дядей первого русского царя из династии Романовых.

Будучи умелым дипломатом, Андрей Федорович был также храбрым воеводой. Нам известно о его бесстрашных вылазках в ходе неудачной для России польской войны 1632-34 гг.

Сохранилось немало свидетельств об участии Андрея Федоровича в самых разных церемониях при дворе Михаила Федоровича – так, мы знаем, что в числе поезжан он участвовал в первой свадьбе царя в 1625 году, а на многочисленных приемах иноземных послов «сидел в золоте». Был спутником царя в «молебных походах» к Николе на Угрешу и «к Троице-Сергию», а во

время иных походов оставался в Москве «для заведывания делами» в отсутствие государя. На Вербное Воскресение в 1642 году был «у повода», т.е. направлял «шествие на осляти», на котором, в соответствии с забытой ныне старой московской традицией, восседал в этот праздник патриарх Иосиф. В 1645 году служил походным воеводой в Туле и наместником Ржевским, в 1646-1649 гг. был воеводой в Астрахани, а в 1654 был воеводой Большого полка – высший походный чин – в литовском походе. Сохранились документы о полученных князем царских наградах – «шубами и кубками». Умер Андрей Федорович Литвинов-Мосальский в 1664 году.

Село в последние годы стояния Михайловского храма

От Андрея Федоровича Мосальского – удачливого царедворца, сумевшего без ущерба для жизни своей и благосостояния послужить и самозванцу, и польскому королю, и русскому царю – обратим взор к другому дворянину, совместно с Мосальским владевшему Архангельским-Тюриковым.

Игнату Михневу подмосковная земля была пожалована «за службу, смерть и кровь отца своего». Истома Михнев погиб, выполняя задание занявшего тогда престол Василия Шуйского – «уличать вора Петрушку», объявившего себя царем Петром Федоровичем, внуком Иоанна IV. Схваченного под Тулой

Истому мятежники убили и разорили все его деревни. В огне погибли все «*Великих Государей жалованныя грамоты и наказы и великия родовыя старыя письма*», и дети Истома – Игнат, Иван и Артемий – могли превратиться в безродных сирот, но царь не оставил их без призрения. Иван и Артемий были взяты «в жилье», т.е. ко двору, а Игнат (старший, по всей видимости) пожалован в стряпчие¹¹, должность высокую и почетную. В первые годы царствования царя Михаила Федоровича Россия не успела оправиться от Смуты, была местами занята еще интервентами, по ней бродили шайки казаков, литовцев и

поляков. В 1613-1615 годах Брянск, Перемышль, Калуга, Вязьма подвергались нападениям этих шаек под предводительством гетмана Лисовского. Игнатий Михнев был послан «военным воеводою» защищать от них Ливны, а в 1617 г. – отправился в Смоленскую губернию собирать ратных людей и вести их к Москве, так как Лисовский прокрался между городами и, опустошая все на своем пути, бродил между Тулою, Серпуховом и Коломной. Вскоре после этого Михнев был послан воеводой в город Курмыши Симбирской губернии, где и «от многих ран умре».

Все смешалось в годы Смуты: как видим, Игнат Михнев за гибель отца от рук мятежников получил Архангельское-Тюриково в совместное владение с Андреем Мосальским, одно время на стороне этих мятежников находившимся. Такое получилось соседство.

Между тем в годы Смуты село Архангельское, Тюриково тож вместе с церковью Архангела Михаила были разграблены и сожжены одной из тех шаек, от которых Игнат Михнев защищал Тулу и Серпухов. Селение вновь сжалось до размеров деревни, но, несмотря на это, Поместный Приказ продолжал умножать число владельцев обедневших земель – московской знати нужно было где-то кормиться. В писцовой книге 1623 года означено: «Село Тюриково на суходоле, а в нём был храм во имя Архангела Михаила, да к той церкви пустошь Ильшина. Андрей Данилович Мышецкий – село Тюриково, пустошь Мячкино а Ячкино тож, Духино. Боярина

князя Семена Григорьевича Куракина жены Елены село Тюриково. Ивана Даниловича Мосальского село Тюриково. Ивана Даниловича, Василия Владимировича Мосальских села Ждановское и Тюриково с пустошью Подберезье, Кононово, Мячкино а Ячкино тож. Дмитрия Федоровича Скуратова с. Тюриково, пустошь Корознино, Муролевская, Лопкова на реке Сомотынке, пустошь Кожино. Алексея Никитича Годунова с. Тюриково, пустошь Колина, Пархачева; деревня, что было село Чемоданово, а Парфеньево тож, пустошь Поздняково, Митронино, Козлово, Ходяево, Ячкино а Кожино тож»¹².

Как видим, Тюриково одновременно принадлежит пяти владельцам. Мы знаем, что сородич Андрея Мосальского князь Иван Данилович по прозвищу Хромой участвовал в избравшем на царство Бориса Годунова Соборе 1598 года, а с 1615 по 1620 г. служил воеводой в Серпухове. Алексей Никитич Годунов, сын стольника Никиты, был «жильцом» царя Михаила Федоровича. Вскоре в стремительно разоряющейся деревне остается всего пять дворов, что, однако, не мешает Поместному Приказу, по-прежнему именуемому ее в своих грамотах «село», назначить еще одного, шестого, владельца, боярина Василия Андреевича Сицкого, породнившегося с царским родом («А у Князя Андрея Сицкого сын Князь Василей; была за ним Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича своякина Романова дочь Юрьевича Захарьина»¹³).

Большое количество хозяев

никак не способствовало подъему деревни, а скорее даже ускорило ее полное исчезновение в течение первого после Смуты десятилетия.

До 1666 года земли (без села) числились за неким Исленьевым, о котором нам решительно ничего не известно.

Строительство первой Успенской церкви

История застройки территории, занимаемой сегодня церковью и прилегающими службами, начинается с 1666 г., когда государем Алексеем Михайловичем земля передается на оброк князю Ивану Петровичу Пронскому из рода удельных рязанских князей. На пустоши Подберезье он поставил свои деревянные хоромы – двор, в котором, согласно отказным книгам, жили «прикащик, 3 челов. конюхов и 8 челов. деловых людей (Отказн. кн. 21, л. 396.)»¹⁴. В село, как и в окружающие деревни, стали возвращаться крестьяне – сохраняя статус центрального поселения округа за Архангельским-Тюриковым, Пронский подал прошение о постройке церкви: «...в нынешнем 7181 (1673) году апреля 11 дня по челобитью князя Ивана Петровича Пронского в Московском уезде, в Селецкой десятине, в вотчине его в селе Тюриково, на пустовой церковной оброчной земле, по благословенной грамоте, велено построить церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы»¹⁵. Так на «пустовой церковной» земле, в полуверсте от старого места, был построен первый Успенский храм. В нем было два придела: Архангела

Михаила – в память о сгоревшей церкви, от которой несколько севернее остался старый погост, и Алексея Человека Божьего – в честь царя Алексея Михайловича.

По неизреченному Промыслу Божьему, мы в точности знаем, как выглядела эта церковь.

То была привычная русскому глазу сельская церковь – изящная и в то же время «полезная» (сегодня мы сказали бы: «функциональная»). Построена она была в соответствии с древними канонами деревянного зодчества «на клети», т.е. на прямоугольном срубе, как обычная крестьянская изба. Шестиугольный приземистый алтарь, похожий на башни древнерусских кремлей, и вширь раздавшаяся изба-трапезная уравновешивали точеную шею в воздушном «слезниковом пояске» и главку, крытую зубчатой осиновой «чешуей», быстро приобретшей под дождями и ветрами седой серебристый оттенок. Такими были самые первые деревянные храмы на Руси.

Внутри церковь была по-деревенски проста – прямые углы, невысокий потолок, бревенчатые стены с иконами, масляная роспись только на деревянных царских вратах. Простые и изящные

Так выглядел первый Успенский храм в Архангельском-Тюриково

украшения – резные царские врата, резные же перила клироса, частая, под слюду, деревянная решетка алтарного окна. Чуть более низкой и более просторной была трапезная с одним окошком и со вделанными в стены «опушенными», т.е. резными, скамейками вдоль стен.

Подклеть приподнимала церковь на несколько венцов над землей. Половодье в селе Тюриково храму не грозило, зато зимой сугробы наверняка поднимались до резных перилец галереи. Храм был построен без единого гвоздя.

Служил в храме священник, упоминаемый в документах как «поп Максим Григорьев», с дьячком Яковом Игнатьевым. Фамилий у

них, видимо, попросту не было, как не было их в те времена у огромного большинства незнатного люда на Руси. «Григорьев» и «Игнатьев» – это ни что иное, как отчество в той форме, в которой оно часто использовалось в русском языке вплоть до конца XIX века. Так что имена первых известных нам священнослужителей на этих землях – Максим Григорьевич и Яков Игнатьевич, или и того проще: отец Максим да дьячок Яков.

От князя Пронского они получали денежную и хлебную ругу (содержание). Сам о. Максим платил оброку «4 денги», как и князь – «6 денег». По «3 денги со двора» в казну отдавали крестьяне трех – всего

трех! – деревенских дворов, из которых, помимо княжеского люда, собственно, и состояла деревня в 1673 году. С церкви оброку взималось, конечно, больше всего – 8 алтын.

Вновь освоенное село называли

по-прежнему – Архангельское-Тюриково (или Тюриково, Архангельское тож) – и это несмотря на то, что Архангельский храм сгорел, а деревня Тюриково прекратила свое существование более 60 лет назад.

Шеины вчера и сегодня: СВЯЗЬ ВЕКОВ

В 1684 г. село перешло ко вдове Аксинье (Ксении) Васильевне Пронской (в девичестве Третьяковой). На Иване Петровиче мужская линия древнего рязанского рода пресеклась, из детей у него была только дочь Евдокия (Авдотья) от первого брака с Анастасией Дмитриевной Пожарской. Дочь Ивана Петровича тоже дважды побывала в браке – и от первого брака с Семеном Ивановичем Шеиным, родился сын Алексей (1662), которому – видимо, по духовной деда – и досталось Архангельское-Тюриково после смерти неродной бабки Ксении Васильевны в 1695 году.

Шеин был первым русским генералиссимусом – прожить суждено ему было всего 38 лет, но за этот срок он совершил дела, многократно отозвавшиеся в истории Отечества. Известно, что до конца дней своих Петр I называл Алексея Семеновича в числе своих учителей. С первых лет самостоятельного царствования Петра он был участником всех походов, в 1693 году ездил с царем в Архангельск, отвечал за всю Сибирь на посту тобольско-

**Генералиссимус
Алексей Семенович Шеин**

го воеводы, возглавил, наконец, победоносный второй Азовский поход Петра I в 1695 году. В 1698 году Шеин разбил восставшие стрелецкие полки у Воскресенского монастыря на Истре. У генералиссимуса было два сына, один из которых

умер в младенчестве. Село досталось второму, Сергею, отправленному в числе прочей дворянской молодежи в Европу для обучения навигацкому делу, и числилось за ним с 1704 по 1710 год. Нам неизвестно, отчего молодой Шеин умер на чужбине. Село же Архангельское-Тюриково было выкуплено в казну, и до 1727 года все доходы с земель поступали на содержание Большого Кремлевского дворца.

Впрочем, к истории прославленной фамилии следует добавить еще несколько строк. Спустя много лет Шеины вернулись в храм – потомки знатного рода уже в наше время пришли на эти земли и стали прихожанами Успенской церкви:

Слово – прихожанке Татьяне

Морозный зимний вечер. Ночь Рождества Христова.

Мы выезжаем за кольцевую дорогу и совсем рядом, почти в Москве, попадаем в чудесное место, лишненное московской суеты и украшенное прекрасным, частично сохранившимся старинным, с вековыми деревьями, парком и прудом, который, по преданию, был вырыт крепостными крестьянами за одну ночь и обсажен желтыми ирисами. И вот, из глубины парка мы приближаемся к центру этой Божественной красоты – храму Успения Пресвятой Богородицы, к которому я шла очень много лет. Открываю двери и погружаюсь в истинно ангельское пение взрослого и детского хоров. То, что испытываешь во время Божественной литургии именно в этом храме,

описать невозможно. Хочется плакать, ведь здесь когда-то молились мои предки.

Моя прабабушка – Нечаева Мария Николаевна (урожденная Шеина), ее отец Николай Николаевич – из старинного дворянского рода Шеиных. Они владели несколькими имениями на Смоленщине и в Тамбовской губернии, а в Подмосковье – Архангельским-Тюриковым. Один из моих предков захоронен в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Надгробный камень находится под храмом, где расположен музей. Там выбита надпись: «Здесь покоится боярин Шеин». Древний род Шеиных был во времена Иоанна Грозного знатным княжеским родом.

Мать моей прабабушки – из рода Александра Васильевича Суворова, и в девичестве была Суворова, но умерла рано, и Николай Николаевич Шеин женился на женщине из рода Потемкиных.

Мою прабабушку Марию Николаевну Шеину выдали замуж за Петра Ермиловича Нечаева и дали ей в приданое деревню Павловку в Тамбовской губернии. Ее муж Петр Нечаев из тамбовских Нечаевых, в роду которых было много священнослужителей, в том числе и почивший митрополит Питирим (Константин Владимирович Нечаев).

И вот сейчас я по Божьей воле стою и молюсь в храме на земле моих древних предков и чувствую благодать Божию над этим намоленным местом. И поистине верны слова А.С. Пушкина: «Ищите счастье на проторенных путях».

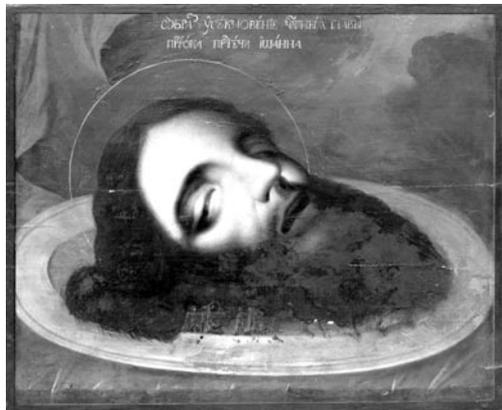
Потомки помещиков Шеиных – прихожане храма Успения

Слово – отцу Константину

Татьяна, прямая наследница бывших владельцев поместья Архангельское-Тюриково, ходит в наш храм не одна. Здесь она венчалась со своим мужем Виктором, сюда же приезжает постоянно и с

детьми-школьниками – Дарьей и Артемом.

Но первой набрела на наш храм не Татьяна, а ее недавно скончавшаяся тетка Людмила, которая тщательно исследовала свои дворянские корни. Впервые приехав в бывшее родовое поместье своих пред-

**Образ Усекновения честной главы
Иоанна Крестителя**

ков, она из парка сразу же вышла на меня и обратилась с вопросом:

– Скажите, это Архангельское-Тюриково?

– Да.

– Это храм Успения?

– Да.

– Слава Богу! Наконец-то я вас нашла!

Второй раз Людмила приехала столь же неожиданно.

Какая-то незнакомая женщина с ребенком зашла в храм и спросила для мальчика нательный крестик. У меня в кармане был крестик на тесемке, и я предложил надеть его малышу. Когда крестик уже висел на шее, мамочка стала спрашивать, сколько она должна за это заплатить. Я ответил, что если они примут крестик как подарок, то Господь оплатит мне гораздо богаче и щедрее, чем мы можем даже вообразить.

В этот самый момент двери распахиваются, и входит Людмила с величественным и торжественным видом. Настоящая дворянка! В руках она держит сверток.

– Батюшка! Я принесла икону. Это наша фамильная родовая икона, и пусть она будет в нашем храме.

Развернув сверток, мы увидели образ Усекновения главы Иоанна Крестителя. Трепет охватил меня. Изумление было заметно и на лице прихожанки, так и не понявшей – сколько же она должна за крестик.

Дивная история первой Успенской церкви

Обычно, если на месте старого строения возводится новое, то от прежнего и следов искать не приходится. Не так, однако, случилось с первой Успенской церковью. Но расскажем все по порядку.

Вернемся обратно в XVIII век. Нам известно, что до 1710 года в храме служил священник Петр Григорьев(ич) с дьячком Василием

Яковлевым (не сын ли это предыдущего дьячка Якова?), а само село по сравнению с 1673 годом почти не выросло: *«в приходе 4 двора, пашни по 10 четви в поле, а в дву потомуж, сенных покосов 15 копен»*.

В 1710 году настоятелем назначается священник Иван Петров. Согласно его доношению, к 1723 году построенная Пронским цер-

Таким первый Успенский храм из Архангельского-Тюрикова сохранился до конца XX века

ковь Успения изрядно обветшала, «издревле и велми ветха... пол и подволока все обвалилось и снегу много наносит и святыя иконы заносит же, а в летнее время от дождя мокрота великая, от чего святым образам есть повреждение; а при оной церкви два придела, а именно: Архистратига Михаила, Алексея человека Божия, в которых приделах служить невозможно того ради, что пол и подволоки в церквах и в олтарях обвалились и в деисусах из тяблов святыя иконы выпада-

ли», – а посему он просил «...благословить о строении вышеописанной церкви вновь указ учинить»¹⁶. В том же году из Синодального Казенного Приказа такой указ поступил. «Строение церкви вновь» благословил преосвященный Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, известный в свое время борец с расколом.

Освобождая место для нового храма, старое строение разобрали и отдали на «погорелое место», т.е. отправили в село Семеновское

(ныне – Пушкинского района), где сгорела приходская церковь. При этом были разобраны обветшавшие приделы; сам же храм на новом месте освятили как Богоявленский. Здесь его поставили на белокаменный цоколь, сруб обшили тесом, а кровли и главку покрыли железом. К трапезной пристроили колокольню (в дальнейшем не сохранилась). Церковь простояла на новом месте более двухсот сорока лет – до 1966 года, когда ее перевезли в музей деревянного зодчества при Московском областном краеведческом музее в городе Истра (Новоиерусалимский монастырь). Здесь, в Гефсиманском саду, деревянная церковь Богоявления в Семеновском, бывшая некогда Успения в Архангельском-Тюриково, провела еще тридцать четыре года и 3 сентября 2000 года из-за неисправности в электропроводке сгорела. Незадолго до этого ее передали обитатели, и в ней были проведены первые после долгого

перерыва богослужения.

Дивны дела Господни! Ведь мы знаем, как выглядел деревянный храм, стоявший прежде нынешнего каменного... Тот Успенский храм дожил до времени, когда началось восстановление (в наши дни) его преемника. Старый храм как бы во второй раз благословил строительство нового и только после этого обратился в пепел.

Сегодня от простоявшей под небом 327 лет деревянной церкви в Музее древнерусского искусства имени прп. Андрея Рублева сохранились лишь иконы из трехъярусного иконостаса и врата в жертвенник, а также – в Московском областном краеведческом музее – фрагменты царских врат с живописью XIX века. Однако, эти элементы убранства, по всей видимости, принадлежат именно Богоявленской, а не Успенской церкви, поскольку в 1725 году в Семеновское из Архангельского-Тюрикова перевезли только разобранный сруб.

Вторая деревянная Успенская церковь

Ну, а в Архангельском-Тюриково летом 1725 года вместо переданной в Семеновское строится вновь деревянная – но уже без приделов – небольшая Успенская церковь. 24 января 1726 года храм был освящен Симеоном Лукиным, протопопом Большого Успенского собора в Кремле.

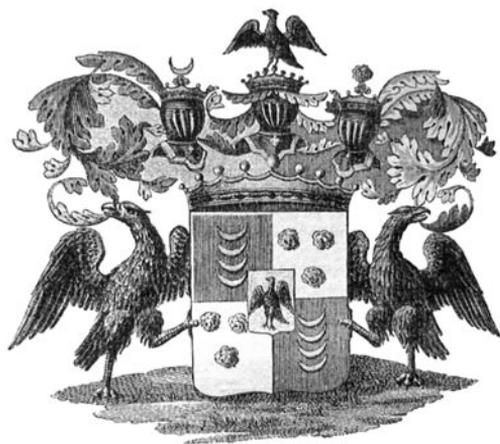
Этому храму суждено было простоять неполных тридцать лет. По всей видимости, из-за быстрого увеличения народонаселения в окрестных деревнях (так свидетельствуют источники) небольшой деревянный храм вскоре уже не смог вмещать всех богомольцев. Есть основания полагать, что церковь эта была к то-

му же недостаточно «исправно построена». Во всяком случае, в 1755 году на ее месте будет воздвигнут из кирпича нынешний храм Успения.

Для нас важно отметить, что Антиминс каменный храм унаследует от прежнего, восприняв от него эстафету духовного преемства.

Граф Федор Самойлович Скавронский

Год спустя село с окрестными землями передается в собственность Федору Самойловичу Скавронскому, родственнику взошедшей на престол Екатерины I, польскому крестьянину, сделавшемуся неожиданно российским графом. Долгое время воздерживаясь от любых контактов с родными во избежание нежелательных слухов о своем происхождении, после кончины Петра I Екатерина энергично взялась за обустройство своей обширной – общим числом в 23 человека – родни по отцу. Все три семьи, впоследствии известные под фамилиями Гендриковы, Ефимовские и Скавронские, были осыпаны всевозможными милостями, в том числе получили и графские титулы (а с ними гербы, обязательным элементом которых был жаворонок, по-польски – «Skawronek», ср. «Скавронские»). Дары венценосной родственницы были столь богатыми, что Скавронские надолго вошли в число первых по состоятельности родов России. Зависть придворных вельмож, вызванная неожиданным возвышением этих явных временщиков, поутихла, когда стало ясно, что по причине полной необразованности своей они,

Герб графов Скавронских

получив богатство, не получают власти. Превратившись в дворян, крестьяне оставались крестьянами.

Еще при отъезде из Лифляндии Федор Самойлович Скавронский расстался с женой-латышкой, не захотевшей уезжать с обжитого места и не отпустившей с ним двух дочерей (то, что приехавшие родственники Екатерины получили титулы и богатство – по сути, случайность, все могло быть иначе). В Россию он приехал один, однако вскоре – вероятно, старанием Екатерины, желавшей породнить своих незнатных родственников с русским именитым дворянством – Федора

женили на Екатерине Родионовне Сабуровой. Сабуровы принадлежали к стариннейшим дворянским родам, хотя в тот момент они и не играли важной роли ни при дворе, ни в государственной службе. Менее предприимчивый, чем брат Карл, который первым получил в личную собственность дом в Санкт-Петербурге, Федор жил в пожалованных подмосковных поместьях. Некоторые из этих владений находились в совместной собственности семей, решительно не желавших делить землю.

После смерти Екатерины I ближайшей родственницей и защитницей новоиспеченных аристократов стала Елизавета Петровна, внучка Петра и будущая императрица. Письмо Федора к ней позволяет представить, что происходило в подмосковных поместьях, где проживали графы: *«Слезно у вас, всемилостивейшей государыни и матери прошу, – писал Федор Скавронский Елисавете Петровне, – на сестру свою Анну Ефимовскую и на детей ея, понеже терплю я от нея, сестры своей, и от детей ея несносныя обиды и раззорения. Присылает она детей своих в деревнишку, где я живу, жену мою и меня видят ея бранят и ругают, в чем свидетельствуюсь посторонними»*¹⁷.

Главной причиной раздора была совместность владения в некоторых вотчинах. *«В котором селе Введенском, – поясняет в своей жалобе Скавронский, – и в деревнях без разделу со мною живет оная сестра моя, и в то село и в деревни не въезжаю и ничего с тех крес-*

тьян не беру, а от меня сестре моей истинно никаких обид не было». Ефимовские, которые и впоследствии отличались беспокойным нравом, выражали притязание на владение и тою «деревнишкой», в которой обосновался Скавронский лично. По крайней мере, по его уверению, «присылали туда указы» крестьянам, чтобы его «не слушать и ничего ему из тех деревень не давать». Однако терпеть притязания соседей Федору Самойловичу пришлось недолго – умер он в 1729 году, не прожив и двух лет в столь неожиданно пришедшей к нему роскоши.

Спустя сто с лишним лет, в 1841 году, некий наблюдательный москвич по фамилии Пригодин прислал в столичную «Молву» (приложение к журналу «Телеграф») рассказ о любопытной находке: к стене церкви Вознесения на Малой Никитской – той самой, где венчался Александр Сергеевич Пушкин – прислонены два надгробных камня с полустертыми надписями, одна из которых гласит:

*«Во вечно житие преиде от сего месяца ноября... телом в землю, душою же в чертог вышний... Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны... Сиятельнейший Граф бысть в России Федор Самойлович Сковронский... Благочестием сияюще киждох... О нем же творить мольбу должно месяца апреля дня двадеся...»*¹⁸. Увы, точную дату дня памяти Федора Самуиловича из-за этого обрыва текста назвать нельзя – это может быть любой из дней между 20-м и 29-м апреля.

«...На месте ветхой построить вновь каменную церковь...»

Владелицей большинства земель, в соответствии с завещанием мужа, стала вдова Екатерина Родионовна Скавронская. Начавшая было распоряжаться ими в соответствии с собственными прихотями, она, однако, очень скоро была одернута строго блюдущей интересы своих родственников Елизаветой. В письме к Екатерине Родионовне от 3-го июля 1732 г. будущая императрица пишет: *«Госпожа графиня Скавронская! Понеже известно, что муж ваш граф Федор Самойлович из пожалованных ему в 1727 году, по тестаменту блаженныя и вечно достойныя памяти матери нашей государыни императрицы, вотчин по духовной определил тебе некоторыя вотчины, которыя пожалованы господам графам Скавронским в фамилию их, а у него, мужа вашего, детей никого не имеется: того ради извольте себя в том предостеречь, и в те вотчины вступать вам не подлежит, ибо зело мне удивительно, что вы, зная мою к себе любовь, вступаете не в свое дело, понеже и по наследству оныя вотчины в чужой род не подлежат; а ежели вы в мою волю отдадитесь, то, надеюся, что вы не забыли, что я болияя у вас»*¹⁹. Екатерина Родионовна вынуждена была подчиниться, отдав большинство вотчин мужа – Можайские, Нижегородские, Рыжанские и Саранские. Они передаются более удачливому брату Федора Самойловича – Карлу, а во владении вдовы остались, по всей видимости, лишь некоторые под-

московные имения, в том числе и Архангельское-Тюриково, где в 1755 году графиня на собственные средства, «по обещанию своему», начинает возводить каменный храм Успения.

Празднуя 250-летний юбилей нашего Успенского храма в 2005 году, мы ведем отсчет от года начала строительства. Разрешение на возведение нового храма было получено от Святейшего Синода 8 февраля, то есть в самом начале 1755 года. Стройка затянулась на долгие четыре года. При освящении новопостроенного храма был,

согласно Указу Святейшего Синода, использован Антиминс прежнего разобранного деревянного Успенского храма: «на прежнем освя-

щенном Антиминсе освятить надлежит». В протоколах Московской Духовной Консistorии от 16-го октября 1758 года означено:

По указу Ея Император. Величества Духовная, Святейшего Правительств. Синода члена, Преосвященного Тимофея Митрополита Московского и Севского, Консistorия, слушав поданного Ея Преосвященству прошения вдовы Графини Екатерины Родионовой дочери Скавронской служителя Петра Васильева о освящении построенной в вотчине оной Госпожи ево, Московского уезда в селе Архангельском вместо ветхой деревянной церкви во имя Успения Пресвятыя Б-цы, на прежнем освященном Антиминсе, о которой известно, что оная церковь в силу посланного из Консistorии Указа, исправно построена и по освящению в готовности, Селецкие десятины (в котором оное село в ведомстве находится) от духовного Правления доношением засвидетельствовано. Того ради, по мнению Консistorии, оную новопостроенную вместо ветхой церковь Успения Пресвятыя Богородицы на прежнем освященном Антиминсе освятить надлежит, и о том Большого Успенского собора к протопопу за братиею и в Селецкое духовное Правление послать Указы и сие мнение представить и предать волю и главное рассмотрение благопочтенно Его Преосвященству²⁰.

Вновь приехал освящать Успенскую церковь протопоп из «старшего брата» ее – Большого Успенского собора в Кремле. А сослужил ему настоятель Петр Васильев(ич), иерей Петр.

В 1755 году село было уже отнюдь не той деревенькой, что поднимал спустя полвека после Смуты Пронский. Церковь стоит в окружении уже целых 28 крестьянских дворов, а в них проживает 178

крестьян обоего пола. Близ села – пруды, а при господском доме выращен плодовый сад. Здесь хорошо родится рожь, а ячмень и овес – «средственно» (т.е. посредственно), трава же на прокорм скота и вовсе «худо». Зато крестьяне имеют приработок: продают в Москве дрова и сено, а также холсты и сукна, которые «ткут женщины в свободное от полевой работы время».

Иван Симонович и Павел Мартынович

В полном соответствии с пожеланиями венценосной покровительницы Скавронских, Архангельское-Тюриково так и не вышло из владения потомков первой русской императрицы. После смерти Екатерины Родионовны село получил ее племянник по мужу Иван Симонович Гендриков, родной племянник Екатерины I. Сей муж служил в армии, а затем при дворе, имел чин генерала-аншефа и орден Св. Александра Невского, а в 1762-64 гг. занимал почетнейшее место шефа Кавалергардского корпуса. Сын крестьянина, как и прочие Скавронские и их ближние родственники, умер он в 1778 году крупнейшим помещиком.

По косвенным признакам мы можем полагать, что Иван Симонович уделял Архангельскому-Тюрикову особое внимание. Окрестности села претерпели при нем изрядные изменения. По распоряжению графа небольшой лесок с озером пре-

Герб графов Гендриковых

вратился в парк. Пруд сделали круглым, как того требовали правила садово-паркового искусства 70-х годов XVIII века, а по центру его насыпали остров. Ко времени Ивана Симоновича относится и строи-

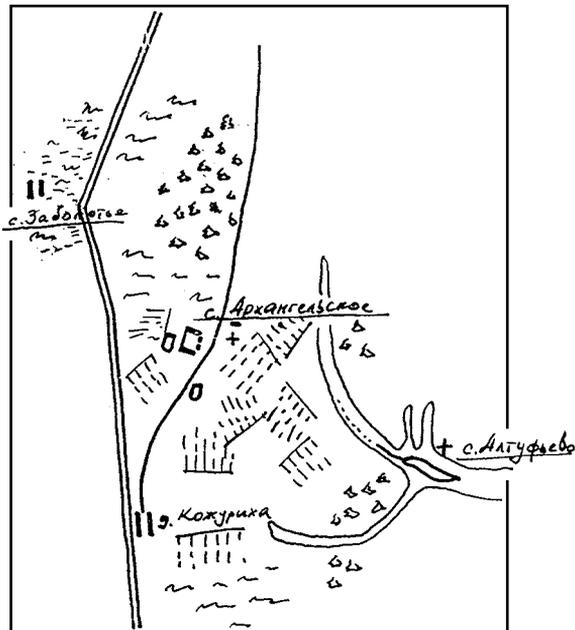
**Пруд в усадьбе Архангельское-Тюриково.
Дореволюционная фотография**

тельство беседки на искусственном холме, сохранившемся по сей день. Наверное, графу нравилось бывать в этом своем подмосковном име-

нии хотя бы время от времени (первые сведения о постоянно живших здесь помещиках относятся только к началу следующего века).

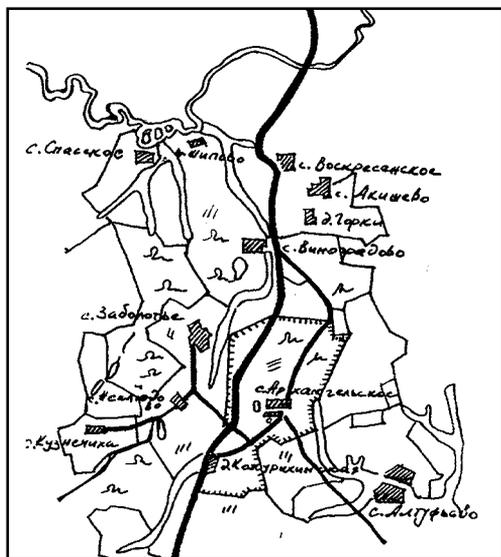
Следующий же владелец, племянник прежнего, этой красоты скорее всего ни разу даже и не видел, потому что: «граф Павел Мартынович, по воспитанию, по наклонностям и умственному складу, принадлежал к той странной, конца XVIII столетия, генерации русских бар-европейцев, людей, большею частью недалеких, которые разучивались не только жить, думать и чувствовать по-русски, но даже и говорить на родном языке. Совершенно чуждые России внутренне, сердцем, связанные с нею лишь эгоистическими интересами карьеристов и рабовладельцев-помещиков, как поприщем для служебного возвышения и наживы, с одной стороны, и, с другой, как золотым дном – источником своих доходов, эти изысканные, элегантные российские маркизы всячески старались удалиться от презираемой ими “родины святой” и в смысле местожительства»²¹.

Павел Мартынович был тайным советником, действительным камергером и кавалером ордена св. Владимира 2-й степени. Большую часть жизни он, взбалмошной маменькою «искусственно воспитанный в итальянского сеньора», провел в Неаполе – сначала на приятном отдыхе длиной в полжизни, а затем на посту российского посланника в этом королевстве. Был отчаянным и решительно бездарным меломаном, за деньги добивавшимся исполнения своих музыкальных опусов известными музыкантами, и всю прислугу свою заставлял общаться с ним не иначе как по нотам, разных тональностей напевами.

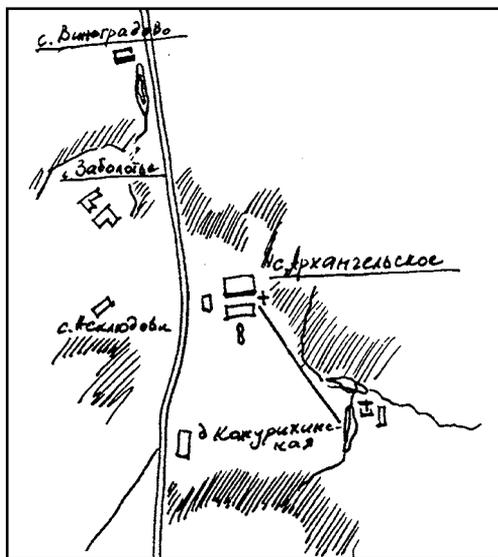

План 1763 года

Человек слабый и удивительно раболепный, он из страха принял предложение всеसильного Потемкина, князя Таврического, жениться на его племяннице Екатерине Васильевне Энгельгардт – девушке с чрезвычайно «скабрёзным», по выражению современников, прошлым. Всю недлинную жизнь свою безбожно угождал и льстил «дядюшке», стараясь расправляться с врагами руками грозного фаворита Екатерины. Самодурство в общении с теми, кто был слабее, и раболепство перед сильнейшими – в этом был весь Павел Мартынович Скавронский. И хотя исследователи отмечают его отдельные успехи на дипломатическом поприще, общая оценка этой личности крайне неслестна.

Геометрический план столичного города Москвы и его целого уезда
1798 года

Семитопографическая карта
Московской губернии
1812 года

Катенька Скавронская-Литта

Получившая все земли после ранней – в 40 лет – смерти супруга, Екатерина Васильевна Энгельгардт-Скавронская (не путать с Екатериной Родионовной, строительницей Успенской церкви) была из тех женщин, что «увлекаемые примером двора и “любострастием” влиятельных фаворитов, гордились и старались их любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петре III... совсем погасили, тем наипаче, что сей был способ получить и милость»²². При всей своей красоте была она по натуре чрезвычайно холодной, вялой и ленивой: «Графиня Скавронская была добра и прелестна как ангел. Знаменитый дядя ее Потемкин осыпал ее богатством, которым, впро-

чем, она не умела пользоваться; ее высшим блаженством было лежать на диване без корсета, закутавшись в огромную черную шубу. Ее свекровь выписывала для нее из Парижа целыми сундуками самые изысканные наряды, которые изготовляла тогда придворная модистка королевы Марии Антуанетты, m-Ne Bertin. Когда ее свекровь выражала желание видеть на ней эти прелестные платья, молодая графиня лениво отвечала:

– Да для чего, для кого и зачем?

...У ее постели ложилась крепостная девушка, обязанностью которой было усыплять ее, рассказывая каждый вечер одну и ту же сказку. Днем графиня постоянно пребывала в праздности; она была

без всякого образования и вела самый бесцветный разговор, но, не смотря на это, обладала неоспоримую привлекательностью, благодаря своей прелестной наружности и ангельской кротости»²³. У Екатерины Васильевны поместий мужниных уже никто не отнимал, так что все осталось за ней.

Прервем, однако, рассказ о блестящей знати, обратившись к Успенскому храму – благо, у нас есть клировые ведомости за 1791 год.

Итак, «*церковь во имя Успения Богородицы каменная в твердости и утварию довольна*». Служит в ней священник Димитрий Иванов(ич), грамоту о священстве имеющий, и дьячок Алексей Иванов(ич), в диаконы «непосвящен», но указ о назначении на место имеет. Колоколами ведает пономарь Елисей Хилдонов. В графе «Каков в чтении и нотном пении и был ли в школе» узнаем, что отец Дмитрий «искусен в школе не был», а вот дьячок в чтении и нотном пении «хорош». Зато за священником никаких провинностей нет, а за дьячком числятся некие «дела подозрительные». «Какого состояния вдов или женат» – о. Дмитрий «доброе, вдов», но и дьячок Алексей – «нехудого, женат». В деревне 28 дворов (101 мужчина и 91 женщина). Вместе с ругой от владелицы поместья священник с дьячком получают содержание в следующем размере: 36 «денег», 16 четвертей овса, 8 четвертей муки (причем 4 четверти из нее – пшеничной), 4 четверти крупы, 2 четверика гороху и 20 фунтов коровьего масла. А сверх того право на три с половиной десятины пашенной и

сенокосной земли, да дьячку «российского сукна 4 аршина».

Итак, церковная и хозяйственная жизнь шла своим чередом, а хозяйка тем временем блистала на берегах Невы, в столичных дворцах. К 36 годам Екатерина Васильевна сохраняет неувядающую красоту и потому получает возможность сменить фамилию – во втором браке. В 1793 году она становится супругой Юлия Помпеевича Литта, вице-адмирала и будущего наместника великого магистра Мальтийского ордена в России. Происходил Джулио-Ренато-Литта-Висконти-Арезе (а именно так звучит его настоящее имя) из древнего миланского рода, в Россию он приехал в 1789 году да так навсегда здесь и остался. Участвовал в войне со Швецией и был отмечен за отменную храбрость шпагой и орденом св. Георгия 3-й степени. При императоре Павле он – вице-адмирал, кавалер орденов св. Александра Невского, св. Иоанна Иерусалимского, Белого Орла и св. Станислава, граф Российской империи, обер-камергер; в 1799 году великий магистр Мальтийского ордена назначил его своим наместником в России. Павел I, как известно, весьма благоволил Мальтийскому ордену и сам стал его гроссмейстером. По законам ордена Юлий Помпеевич (будем для краткости называть его именно так) должен был соблюдать обет безбрачия. Однако прекрасная вдова увлекла его настолько, что он обратился к самому папе Римскому с просьбой разрешить нарушение орденских установлений, и вскоре смог назвать Екатерину Васильевну своей

Е.В. Скавронская.
Портрет неизвестного художника

супругой. В сонете на бракосочетание Юлия Помпеевича и Екатерины Васильевны Г. Р. Державин со «скабресной иронией», по выражению историка, воспел невесту:

*Кто столько легковерным стал,
Что век тобой мнит наслаждаться:
Тот должен искренне признаться,
Что бурь он в море не видал.*

«Скабресной иронии», пожалуй, здесь можно найти не больше, чем в любом другом стихотворении, лукаво обыгрывающем тему непостоянства молодых красивых женщин. Лишь зная привычку Екатерины Васильевны к частой смене властью имущих покровителей, в этих строчках можно разглядеть «второе дно».

Насколько многочисленные награды и титулы Екатерины Васильевны не соответствовали ее подлинным личным заслугам, видно из истории получения ею, 26-летней племянницей Потемкина, неслыханного в таком возрасте титула статс-дамы. Увидев, что Катенька вертит в руках усыпанный бриллиантами орденский портрет Екатерины, Потемкин не долго думая объявил: «Поди благодарить царицу, ты – статс-дама» и приказал идти к императрице, передав какую-то записку. Самодержица была недовольна таким произволом, но подчинилась – фаворитка императорского фаворита стала статс-дамой. В последующие годы при дворе она была пожалована кавалерственной дамою большого креста державного ордена св. Иоанна Иерусалимского великого приорства греко-российского, орденом Екатерины 1-й степени и достоинством гофмейстерины императорского двора. При дворе она оставалась до самой старости и, «истинно блестящий обломок екатерининского двора», скончалась 7 февраля 1829 года, в 70-летнем почти возрасте. Таким же обломком был и Юлий Помпеевич Литта, переживший супругу ровно на пять лет. Современники занесли его в разряд известных чудаков: Литта имел удивительно громкий голос, нареченный друзьями «трубой архангела при втором пришествии», и любил мороженое настолько, что на смертный одр велел подать ведро в десять порций, а последними словами его была похвала приготовившему это лакомство мороженщику.

Последняя из рода Скавронских, внучка Екатерины Васильевны и Юлия Помпеевича, была известной красавицей своего времени. Неравнодушный к Юлии Павловне

художник Карл Брюллов дважды запечатлел ее образ на своей знаменитой картине «Последний день Помпеи» – в облике девушки с кувшином и матери, прижимающей к себе детей.

Вдова Сусанна Филипповна Долгова и ее сын Лука Лукич

Не позднее 1814 года село Архангельское-Тюриково купила вдова Сусанна Филипповна Долгова.

Новая хозяйка принадлежала к кругу не аристократическому, но купеческому, для представителей которого такие небольшие подмосковные имения были и постоянным местом проживания, и источником ощутимого дохода. Ее покойный муж, Лука Иванович Долгов, московский купец, владелец суконной фабрики, был Президентом московского магистрата. Он очень много сделал в 1771 году для борьбы с поразившей Москву эпидемией чумы, за что и получил чин титулярного советника. Кроме того, он был известным храмоздателем: на его средства знаменитым русским архитектором В.И. Баженовым (мужем одной из дочерей Луки Ивановича) был построен храм во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке и церковь Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище.

Скончалась Сусанна Филипповна в 1823 году. После ее смерти во владение имением вступил ее сын, Лука Лукич. Это был, пожалуй, самый скромный, самый нетитулованный (дворянин во втором поколении) владелец Архангельского-Тюрикова за все время существования села. Всего лишь отставной прапорщик...

Сохранились интересные сведения о духовенстве нашего храма тех времен.

В 1816 году мы встречаем упоминание Успенской церкви в деле по доношению генерал-майора Алексея Татищева об отписке крестьян из прихода Владимирской церкви в Неклюдове. Генерал-майор и кавалер Алексей Евграфович Татищев сетует, что по упразднении храма в с. Вешки крестьяне его «слышания слова Божия лишаются», и посему просит у Архиепископа Московского Августина приписать сельцо Алексеевское и деревню Подлипки к приходу Успенской церкви. Просьба была удовлетворена. В документе упоминается и новый дячок нашего храма – Василий Александров(ич).

28 июля 1827 года в храм был назначен новый священник Петр Александрович Мурашев, который *«обучался в бывшей Московской Академии риторике, посвящен в дьякона в городе Руза к церкви Покрова Пресвятыя Богородицы 1814го августа 15го дня <...> а 1827^м году июля 28го дня произведен во Священники к церкви Успения Божия Матери, что в селе Архангельском на настоящее место его высокопреосвященством Филаретом Митрополитом Московским и Коломенским...»*²⁴. В семействе у о. Алексея – жена Евдокия Ивановна тридцати двух лет да дети: Анна одиннадцати лет, Виктор десяти – обучается в Петровском училище, Алексей девяти лет – дома обучается русской и латинской грамоте, а кроме того – нигде не обучающиеся Евдокия

четырех, Наталья трех и Екатерина двух лет.

У дядька Андрея Козмина семейство было меньше – жена Вера Михайловна да сын Егор, обучающийся в том же Петровском училище, что и Виктор Мурашев.

А третьим положенным нашему храму по штату лицом – пономарем – был «запрещенный священник» Николай Васильевич Савинский, обучавшийся в свое время в Спасо-Вифанской семинарии и служивший некогда в серпуховском храме Пророка Божия Илии. Он также проживал в Архангельском-Тюриково с семейством – женой Варварой Михайловной и дочерьми Анной и Марией, чьи годы не указываются, а также одиннадцатимесячной Александрой.

Умирая, Лука Лукич Долгов заве-

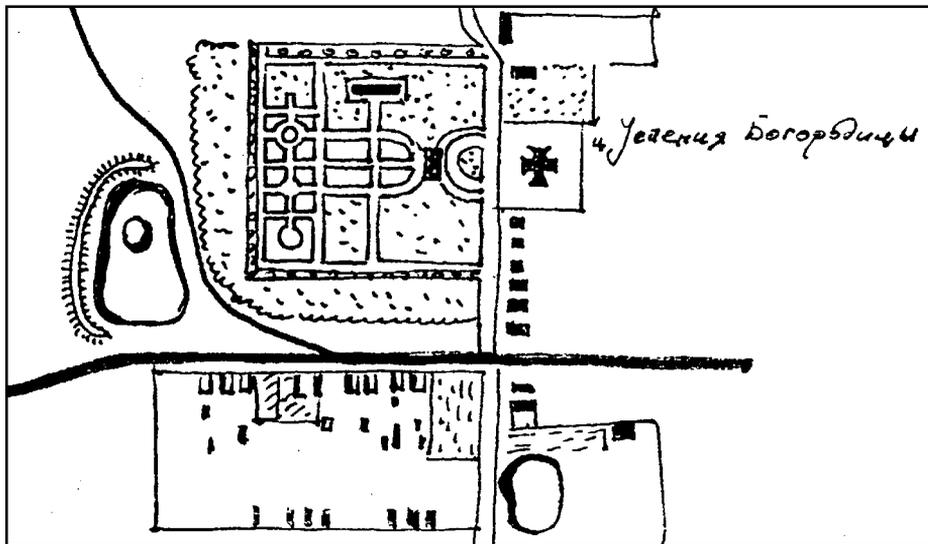
щал храму на вечное поминовение своих «родителей и родственников» две тысячи рублей, о чем свидетельствует его брат Николай:

«В Московскую Духовную консисторию Московского уезда с. Виноградова в должности благочинного священника Феодора Стефанова Малиновского донесение:

Во исполнение указа Мос. Дух. Консистории за № 6668 деньги две тысячи руб. ассигнациями, присланные в оную при отношении Моск. палаты Гражд. суда... завещанные прапорщиком Лукою Лукиным Долговым на вечное поминовение родителей и родственников его по принадлежности в то же время священноцерковнослужителям ведомства моего села Архангельского Успенской церкви с роспискою выда- ны...»²⁵

**Инструментальная
военно-
топографическая
съёмка Московской
губернии 1838 года**

Фрагмент инструментальной военно-топографической съемки
Московской губернии 1838 года

Отставной прапорщик Николай Лукич Долгов

В 1840 г., после смерти Луки Лукича, во владение землями Архангельского-Тюрикова вступил его старший брат Николай Лукич Долгов, воевавший в бытность свою капитаном «Московской военной силы» на Бородинском поле, служивший также и сотенным начальником земского ополчения.

Николай Лукич Долгов не жертвовал – наоборот. При нем состоялась первая из известных нам земельных тяжб между причтом и помещиком. Первый год после смерти брата Николай Лукич исправно платил 64 пуда ржаной муки за арендуемые у храма 19 десятин церковной земли, а потом – неожиданно перестал. Было обращение в суд, споры,

однако, продолжая пользоваться пашенными угодьями, ругу Долов платить отказывался. Часть окружающих церковь земель издавна, при любых хозяевах, оставалась за храмом. При Екатерине Родионовне Скавронской они пополнились новым крупным пожертвованием – 13 десятинами, 512 саженьями пашни. Долгов желал, видимо, владеть всей землей в округе, поэтому после бесплодных споров о руге за уже используемую церковную землю пообещал возобновить выплаты лишь после передачи ему в аренду еще и остающейся в храмовом пользовании пожертвованной земли. Ругу он обещал положить в 500 рублей ежегодно.

Пока священник Петр Александров(ич) обращался к епархиальному начальству за разрешением на согласие, Николай Лукич продолжал выкашивать церковные земли и даже начал рубить на них лес. Более того, в преддверии договоренности он начал утверждать, что пожертвованная земля была вовсе не пожертвована храму, а исторически входила в состав общих принадлежащих причту земель. Его мысль была ясна: общее количество изначальных земель, за вычетом пожертвованных, было всем известно по межевой книге. Объявляя отдельно записанные пожертвованные земли входящими в состав общего земельного фонда церкви, Долгов существенно уменьшал его на те самые тринадцать с лишним десятин.

Отец Петр согласен был отдать землю в аренду – при условии, конечно, что вся церковная земля останется церковной. Отдельно оговаривалось закрепление в бумагах земли именно как арендуемой, причем не более, чем на 12 лет. За церковь, для повседневного пользования, оставалось три десятины с домами, а также право пасти скотину причта вместе с приходской.

Долгова требования священника не устраивали, так же, как о. Петра – долговские. Между тем на занятых церковных землях крестьяне Долгова уже не первый год собирали урожай...

Однако окончательным постановлением не раз и не два собиравшегося для решения этого дела суда было: «...церковные земли как принадлежащая церквам по преж-

ним дачам и писцовым книгам, так и отводимые к оным для довольствия священноцерковнослужителей... должны оставаться навсегда не прикосновенною церковною собственностью, состоять в непосредственном распоряжении наличного причта и ограждаться от всех посторонних притязаний». Отдельные требования помещика сочли «противузаконными» и постановили обратиться в Московское Губернское правление, дабы оно распорядилось «...через кого следует: 1) помещику Долгову воспретить самовольно владеть церковною землею и рубить растущий на оной лес; 2) снятый с церковной земли овес за исключением обработки для сего земли и семян, а равно и сенокос оценить и по оценке взыскать с помещика деньги и оными удовлетворить причт». Во избежание таких тяжб в будущем постановлялось: «...а чтобы земля сия была как наличному причту так и будущему известна, и согласно сему писалась в церковных актах с межевого журнала, для хранения в церкви выдать причту копию и консисторию о последующем уведомить»²⁶.

А село тем временем все разрасталось, и Николай Лукич переселил часть крестьян чуть южнее, на пустошь Кожурихинскую, где некогда стояла деревня Кожурихинская. Новую деревню назвали Лупиха, но, как и некогда с Архангельским-Тюриковым, добавили вскоре старое название. Получилось – деревня Лупиха, Кожуриха тож. В новой деревне было 18 дворов и 105 человек. В селе Архангельском осталось 12 дворов с 83-мя жителями.

Архангельское-Тюриково в середине XIX века

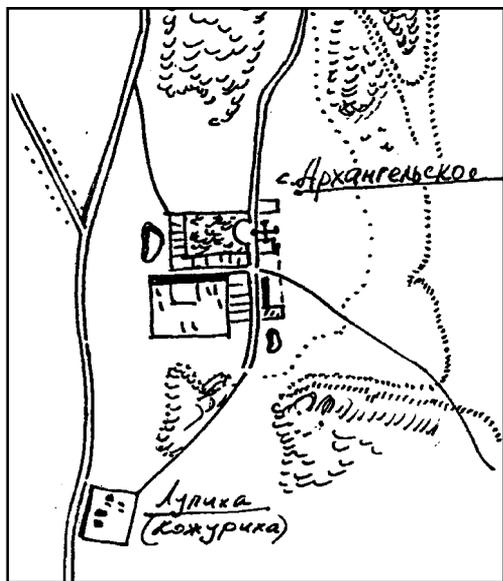
Не позже 1844 года село переходит во владение представителей древнейшей и известнейшей российской фамилии – Оболенских. Имя князя Дмитрия Николаевича Оболенского упоминается в родословных росписях – увы, только имя и ничего более. Почти сразу после приобретения у Долгова Архангельского-Тюрикова Дмитрий Николаевич умер и некоторое время селом владела его вдова Надежда Николаевна, урожденная Бибикова. Княгиня оказалась заботливой хозяйкой – крестьяне были довольны ее управлением. А еще более доволен был причт. После

отселения большей части крестьян на другое место священнику с причтом жилось, похоже, несладко. Надежда же Николаевна «по малочисленности прихода» не только продолжала выплачивать положенную Долговым ругу, но и иными способами стремилась помочь причту: за свой счет отстроила священнику, диакону и пономарю новые дома «с принадлежностями и с отопкою, сколько будет потребно», а также с добровольным обязательством в случае необходимости их ремонтировать. Строительство велось на возвращенной причту пустоши Иншиной, что пожертвовала некогда Скавронская, причем, несмотря на уменьшившуюся таким образом площадь арендуемой церковной земли, ругу великодушная помещица выплачивала прежнюю – 525 рублей ассигнациями каждый год, по 175 рублей в начале января, мая и сентября.

Причт в те годы – это священник Василий Скворцов, диакон Василий Феофилариков и пономарь Дмитрий Андреевич Пяткин.

После Надежды Николаевны селом стал владеть (видимо, по достижении совершеннолетия) ее сын, Петр Дмитриевич Оболенский. При нем здесь появился новый деревянный дом-усадебка, в котором можно было жить круглый год. Построены были и оранжереи.

* * *

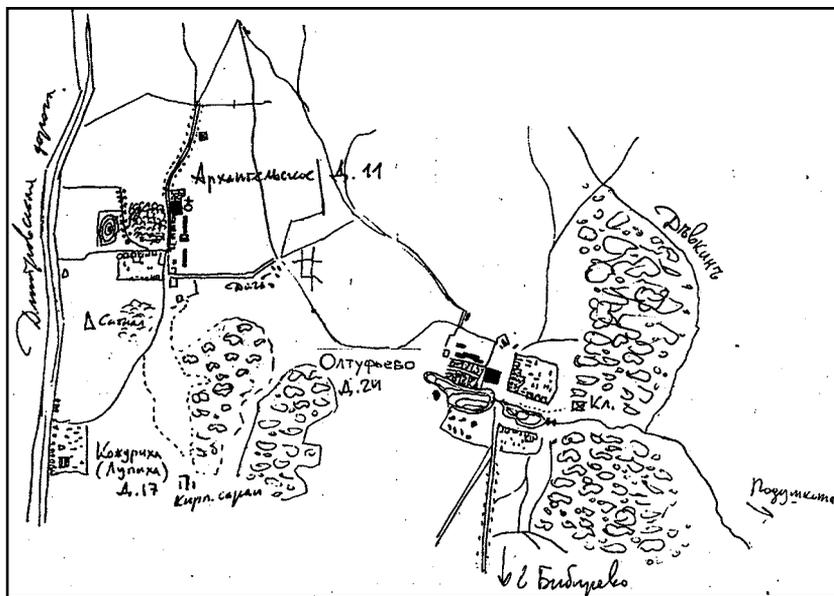
Карта Московской губернии
1853 года

10 сентября 1853 года имение покупает генерал-майор Алексей Александрович Шулепников. Год спустя он вышел в отставку и безвыездно зажил «в усадьбе Архангельское-Тюриково». Именно в усадьбе, не в селе! Дело в том, что вскоре после покупки здесь случился большой пожар, в котором погибли почти все окружавшие церковь и усадьбу дома крестьян. Шулепников на свои деньги выстроил 41 избу для погорельцев, но не на прежнем месте, а в деревне Лупиха-Кожуриха. Так второй раз с подмосковной карты исчезло село Архангельское-Тюриково – до самой революции во всех справочниках и документах Архангельское-Тюриково будет упоминаться теперь лишь как усадьба.

Из приходской в усадьбную превратилась и Успенская церковь.

Отпала необходимость в проведении ежедневных треб, крестьяне, видимо, появлялись теперь в храме только по воскресным дням. Московская Духовная Консистория не сочла необходимым содержать в обезлюдевшем Успенском храме причт в количестве трех человек и в 1854 году назначила его приписным к Крестовоздвиженской церкви в Алтуфьево.

Отметим, что случилось это незадолго до строительства в округе многих существующих ныне церквей – храма прп. Сергия в Бусиново (1859), храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкино (1859), храма свв. Бориса и Глеба в Дегунино (1866), храма иконы Божьей Матери «Знамение» в Ховрино (1870), храма прп. Сергия в Чернецово (1893), храма прп. Сергия в Бибирево (1893).

Карта окрестностей Москвы. Военно-топографическое депо, 1856 год

**Вид храма со стороны
усадьбы.
Дореволюционная
фотография**

К сожалению, неизвестно, когда храм Успения перестал иметь статус приписного. Достоверно известно лишь то, что в 1918 году он таковым уже не был. Во всяком случае, с 1854 года за церковь в Архангельском-Тюриково стал отвечать священник Алтуфьевского храма, а дома причта исчезают.

* * *

Зато в 1855 году храм, тщанием владельца поместья, украшается новой колокольней. Это строительство было приурочено к столетне-

му юбилею Успенской церкви. Выстроена колокольня по проекту архитектора Московской удельной конторы Матвея Юрьевича Левестама, которому тогда не было еще и тридцати лет. Впрочем, академиком он стал и того раньше – еще в 1853 году, всего три года спустя после окончания учебы. Известны некоторые работы Левестама: в 1858 году он разработал оформление краснохолмского и бабьегородского водоподъемных сооружений, в качестве подрядчика участвовал в постройке первого здания Ярославского вокзала в

**Колокольня
Успенского храма.
Дореволюционная
фотография**

Москве (по проекту Кузьмина) и Рязанского вокзала. Вел постройку дома Шипова на Лубянской площади (здание не сохранилось). Возвел мост через Москву-реку близ Коломны. Первым выдвинул идею постройки спальных вагонов и разработал ее на Николаевской железной дороге. В 1868 году он сам же стал их производить. Умер М. Ю. Левестам в 1903 году в Санкт-Петербурге и похоронен в Александро-Невской Лавре.

* * *

**Подъем колокола на колокольню
в праздник Вознесения 2004 года**

После отмены крепостного права, Шулепников составляет Уставную грамоту – документ о разделе земли между ним и крестьянами²⁷. Эту Грамоту мировой посредник объявил на сходе в с. Архангельское 26 июня 1862 года.

Через три года А.А. Шулепников сделал «Заявление». Дело в том, что по желанию крестьян и помещика можно было сразу «выкупить» крестьянский надел. Это не означало, что крестьяне собирали все деньги, которые они должны были выплачивать в течение пятидесяти лет за предоставленную землю. Нет. Делалось иначе: помещик оценивал крестьянский надел и посылал в Присутствие по крестьянским делам заявление о сумме, которую он должен (по его мнению) получить с крестьян. Правительство присылало чиновника, который сам оценивал землю – обычно сумма была близка к указанной помещиком. Ее и выплачивали хозяину. После этого крестьяне продолжали платить выкуп, но уже не помещику, а казне, земля же сразу переходила в их собственность и «временно обязанными» помещику они больше не являлись. Хозяин и слуги превращались в соседей-землевладельцев.

Дело длилось с 16 июля 1863 по 12 апреля 1865 года. Шулепников желал получить за имение 6612 рублей серебром²⁸.

Но в Присутствии по крестьянским делам ему насчитали только 5289 рублей 60 копеек, то есть несколько меньше просимой суммы.

* * *

26-го февраля 1878 года в имени Архангельское-Тюриково вновь меняются хозяева:

«...я, Генерал Майор Алексей Александрович Шулепников продал жене Германского подданного и временно Московской первой гильдии купца Софии Карловне Марк собственное мое недвижимое имение заключающееся в земле, оставшейся за наделом крестьян с разными на оной постройками, состоящее Московской губернии и уезда, в селе Архангельском и дер. Лупиха Кожуриха тож, доставшееся мне Шулепникову от уволенного из службы Поручика Князя Петра Дмитриевича Оболенского по купчей крепости совершенной во 2 Департаменте Московской Гражданской Палаты, тысяча восемьсот пятьдесят третьего года 6 сентября в десятый день...»²⁹

Отметим, что из проданной земли Алексей Александрович исключил два отрезка, которые 18 августа и 15 декабря того же года передал крестьянкам Наталии Ивановне Беликовой и Пелагее Дмитриевне Мурлыковой. С этим известием в историю нашего храма входит семья Мурлыковых, неоднократно упоминающаяся во многих документах последующих лет.

С самых давних времен доходят до нас имена лишь одних только хозяев этих земель, из документов XVII века мы впервые узнаем имена подвизавшихся в храме Успения священнослужителей. С 1878 года в летописи храма появились, наконец, и имена прихожан, причем весьма достойных. Мурлыковы –

миряне деятельные, постоянно участвующие в жизни храма и состоящие в Приходском совете. Кто знает – возможно, именно за по-

мощь Мурлыковых в приходских и сельских делах А.А. Шулепников оставил им в личное пользование земельный надел.

В роде ином

Итак, последней дореволюционной владелицей поместья Архангельское-Тюриково, вплоть до 1917 года, стала София Карловна Марк, хотя реально управлял имением ее муж, Мориц Филиппович.

Отметим здесь неточности, вкравшиеся в составленную краеведом Ольгой Русиной историческую справку об имении Архангельское-Тюриково. «В 1881 году усадьбу А.А. Шулепникова купил Сергей Карлович Марк, директор торговой компании “Марк и К^о”, уроженец Одессы, и владел ею до 1917 года»³⁰. Во-первых, не в 1881, а в 1878 году. Во-вторых, не «купил», а «купила». «Сергей Карлович Марк» никогда не существовал: хозяина звали, согласно архивным документам, Мориц Филиппович, а хозяйку – София Карловна. Также надо сказать, что Марк не был уроженцем Одессы, но – подмосковного села Акатово. О месте рождения Софии Карловны (урожденной Вогау) нам известно лишь, что это была Россия. Быть может, заблуждение это возникло из-за схожести написанных от руки в старой орфографии имен «Софія» и «Сергія» (муж. род, род. падеж).

«Мой дедушка Мориц Филиппович Марк родился в 1845 году в маленьком местечке Акатово, недалеко от Москвы, где его отец сразу после женитьбы купил небольшую

Мориц Филиппович Марк

суконную фабрику и в 1839 году переселился из Германии в Россию. Жизнь в Акатове оказалась для семьи слишком трудной, и, когда дедушке было 10 лет, в 1855 году, все опять переселились в Германию, в Готу. Они не смогли прижиться в России и тосковали по родине. Но уже шестнадцать лет дедушка вернулся в Москву и стал работать в фирме Вогау, основанной его дядей, Карлом Вогау. В 1867 году он женился на своей двоюродной сестре,

Софье Карловне Вогау».³¹

Это – строки из воспоминаний Марии Альфредовны Добровейн, внучки последних дореволюционных владельцев Архангельского-Тюрикова. В изданной в 2001 году ее книге «На рубеже двух эпох» рассказывается о жизни в дореволюционной России многочисленного клана выходцев из Германии, объединившего семьи Марк, Вогау, Руперти, и, в частности, – о старшем из его представителей, Морице Филипповиче. Немалая часть детства Марии Альфредовны прошла в подмосковном имении дедушки.

«Дедушка и бабушка очень не походили друг на друга по своим характеристикам. Бабушка была живая, часто взволнованная, а дедушка спокойный, медлительный, с большим тихим юмором. Он говорил по-русски безупречно, любил русскую природу, был страстный охотник, любил поиграть в карты. Особого контакта с ним у нас, внуков, не было, но его присутствие и приветливая улыбка были всегда приятны.

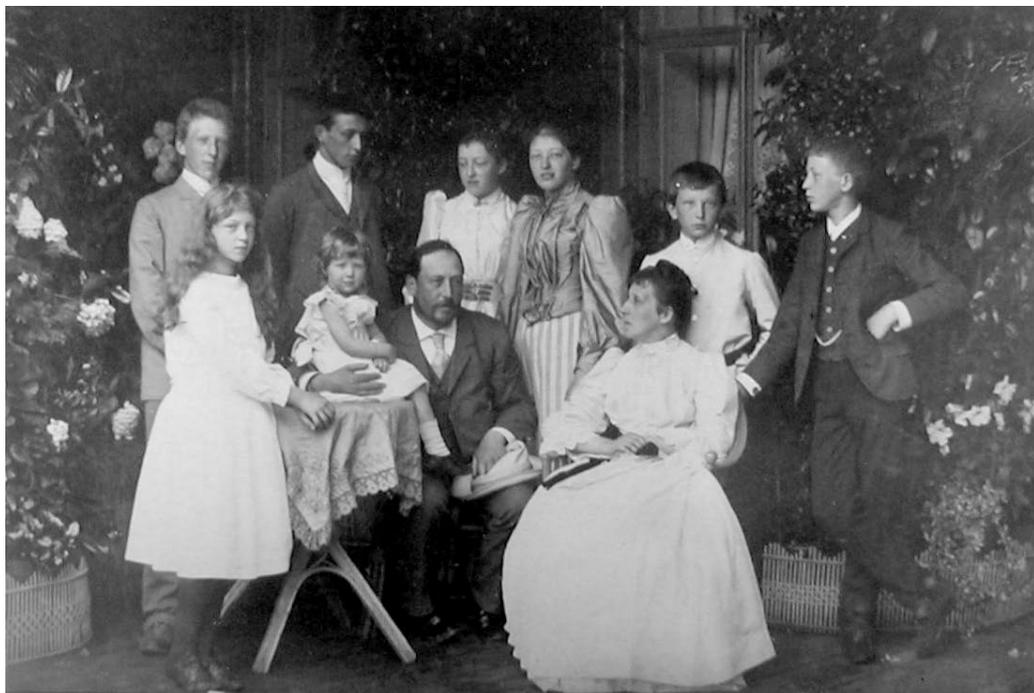
Бабушка тоже родилась в России; она была очень образованная, начитанная женщина, мы, внуки, ее побаивались <...> Бабушка живо интересовалась всем, что происходило на свете, любила говорить с умными <...> людьми, память у нее была блестящая. До глубокой старости она сохранила живой ум и интерес ко всему окружающему. Уже больная, лежа в постели, она продолжала свое образование и стала учиться итальянскому и латинскому языкам, вероятно, чтобы лучше понять Данте»³².

«Вероятно, в те же 1875-1880-е годы дедушка приобрел и Архангельское. Это было сельскохозяйственное имение, в 500-600 десятин, со скотным двором, на котором было 12 коров и бык Ленька, курятником, двумя конюшнями, службами, оранжереей, в которой поспевали крупные вишни и персики.

Были ли в этом месте раньше какие-нибудь постройки, я не знаю. С моим любопытством и любовью к старине, мне непонятно, как я могла не разузнать, что из себя представляло Архангельское, когда было куплено дедушкой. В молодости я об этом не подумала, но теперь, когда я вспоминаю прошедшее и вижу перед собой недалеко от дома старую белую церковь с высокой колокольней и вокруг нее маленькое кладбище с очень старыми могилами, я прихожу к убеждению, что и раньше тут была какая-нибудь усадьба.

Вокруг Москвы было много больших и малых имений. В большинстве случаев от этих усадеб остались одни развалины, остатки фундаментов, густые тенистые заросшие парки (говорят, что такие парки сажались, чтобы привлечь соловьев) и обязательно вырытые пруды и озера. Архангельское было, очевидно, и раньше большим владением, об этом свидетельствовала церковь со старинным кладбищем, стоявшая перед домом.

В Архангельском тоже было два пруда. Один небольшой на скотном дворе, другой в парке, с заросшим деревьями островом. Существовали ли они до того, как имение стало

Семейство Марков, 1892 г. Стоят: Вальтер, Соня, Гуго, Фанни, Ида, Макс, Боб; сидят: Лили, Мориц Филиппович, София Карловна

принадлежать дедушке – я не знаю. В молодости мне такой вопрос не приходил в голову. Архангельское было Архангельское, там было всегда весело, интересно и разнообразно»³³.

Видимо, после передачи большей части земли крестьянам прежний хозяин имения, Алексей Александрович Шулепников, не только не отказался от ведения на своей земле сельских работ, но и всячески развивал хозяйство, так что Марк приобрел не «декоративную» дворянскую усадьбу, но процветающее поместье, которое и продолжал впоследствии укреплять. В первые годы после смены хозяев здесь был введен 8-польный

севооборот и устроена молочная ферма. Для многочисленных нанятых рабочих пришлось строить новое жилье.

«Ближняя к имению деревня была Лупиха. В ней дедушка устроил и содержал школу и родильный приют, а сестра бабушки и одна из моих теток, тетя Аня, обучали девушек и баб Лупихи рукоделию – всяким вышивкам и мережкам, которые потом продавались в Москве, и таким образом давали возможность заработка женщинам Лупихи.

Для своей обширной семьи дедушка построил в Архангельском большую двухэтажную деревянную дачу. Дача была с тремя открытыми террасами на юг, запад и восток. На

северной стороне был длинный коридор, который кончался кухонным отделением. Эта часть дома была обсажена кустами и деревьями, чтобы быть как можно незаметнее. Теперь кухни строят в жилом доме, на виду у всех, а раньше – подальше от господских комнат: во флигелях, пристройках.

В Архангельском дедушка и бабушка проводили лето: приезжали ранней весной и уезжали поздней осенью. Комнат в доме было много, так как семья была большая: девять детей, гувернантки, няни, прислуга.

На первом этаже дачи был славный белый зал, большая гостиная, дедушкин кабинет, столовая. Наверху были спальня и комнаты для детей, гувернанток, приживалок и гостей.

Электричества в Архангельском не было, были керосиновые лампы. Я помню, сколько было шума и смеха, когда один из гостей забыл потушить лампу на ночь, и на другое утро не только вся комната закоптелась, но и сам гость был весь черный. Зато был телефон, одна главная линия для всех дач, а распределитель помещался в доме управляющего на скотном дворе.

Когда дети стали взрослыми, дедушка троим старшим отделил участки недалеко от главного дома, на которых они построили свои дачи... Все дачи были деревянные, просторные, красотой особой не отличались, но были удобные и уютные. Семьи на этих дачах проводили лето каждая по-своему, и образ жизни каждой не походил друг на друга. В каждой даче была

своя атмосфера, не похожая одна на другую. Встречались все чаще всего у бабушки, заходили ее навещать, а по воскресеньям она любила приглашать к обеду. Тогда во всю длину большого балкона вытягивался бесконечно длинный стол, за которым председательствовала бабушка. Нас, внуков, сажали отдельно, за так называемый Katzen-Tisch (по-немецки – кошкн стол)».

«Лето в Архангельском проходило весело, играли в теннис, катались на лодке, ездили верхом. Но настоящих верховых лошадей дедушка не держал. Кто из молодежи хотел, выпрашивал себе лошадь у Афанасия, кучера скотного двора.

В имении было две конюшни, одна на скотном дворе, другая господская. В ней царствовал мрачный кучер Алексей. Зимой он переезжал со всей конюшней в Москву – так было до появления автомобилей. У сердитого Алексея <...> никто просить лошадей не осмеливался, разве только Казачка, маленького иноходца с лохматой гривой и длинным хвостом... Моя семья, большие лошади, презирали езду на Казачке, хотя он своей иноходью хорошо поспедал за нашими лошадьми.

Еще в конюшне у Алексея жили два ослика, их можно было запрягать в маленький тарантас, или ездить на них верхом. Это было большим развлечением для всех маленьких внуков.

Все многочисленное население Архангельского проводило летние месяцы в увеселениях. Кроме постоянных обитателей, во всех дачах всегда было много гостей.

Взрослые мужчины уезжали рано утром из Архангельского на работу в Москву, в конторы общества Вогау. На лошадях до станции, потом поездом. Возвращались вечером к обеду. Ездили поездом со станции Лианозово. До станции было пять верст по плохой проселочной дороге, но дедушка договорился с правлением железной дороги, и была устроена остановка совсем близко от дач Архангельского. Остановка называлась полустанок Марк»³⁵. Действительно, на Савеловской железной дороге, между станциями «Лианозово» и «Новодачная», и поныне находится станция, сохранившая свое первоначальное название – «Марк».

(Отметим в этой связи несостоятельность расхожего мнения, будто название станции МАРК представляет собой аббревиатуру – «Московский авторемонтный комбинат». Такого «комбината» здесь никогда не существовало).

Марки предпочитали, живя в России, держаться в рамках обособленной немецкой колонии. Мария Альфредовна вспоминала:

«Для меня до сих пор непонятно, почему дедушка и другие родственники продолжали быть немецкими подданными. Большинство из них родились в России, ни у кого не было желания вернуться на родину в Германию, ездили туда редко, а если ездили – то, в большинстве случаев, для лечения на каком-нибудь курорте. У всех были крепкие корни, связывающие их с Россией. Браки многих были с русскими – а подданство осталось немецким, дома говорили по-немецки, хотя

родной язык был, в сущности, русским»³⁶.

В своем исследовании Ольга Русина, напротив, отмечает напряженность в отношениях между последними помещиками и местными жителями:

«С окрестными жителями отношения у них установились плохие, т.к. Марки вели себя как колонисты среди диких аборигенов.

Сын известного актера Художественного театра В.И. Качалова Вадим был знаком с Марками. Он вспоминает, что они презирали Россию и русских. Во время империалистической войны 1914-1917 гг. они открыто радовались успехам немецких войск...

Опасаясь справедливого возмездия со стороны местных жителей, лето 1917 года они провели в Савелово»³⁷.

В отличие от Марков, семья их зятя, Руперти, напротив, пыталась влиться в русский быт.

«Отец не был сторонником этой колонии, хотя как раз он не родился в России (Альфред Александрович Руперти родился в Гамбурге, в 1864 году – **сост.**), а приехал в Москву 16-летним юношей. Он вскоре перешел в русское подданство, нас, своих детей, отдал в русские школы. Работать в фирме Вогау он не хотел, хотя ему это и предлагали. Я чувствовала себя русской, любила все русское, яростно спорила с приезжими иностранцами, если они осмеливались что-либо критиковать в России. Мне никогда не приходило в голову, что нас могут считать иностранцами, и что вся эта благополучная, богатая

колония родственников преимущественно состояла из немцев»³⁸.

Марки были состоятельны и постоянно расширяли размеры своего подмосковного владения за счет окружающих земель. Часть приобретенной земли использовалась для увеличения хозяйства, а отдельные участки Мориц Филиппович выделял родственникам для постройки собственных усадеб. Так возникло расположенное неподалеку от Архангельского имение Липки, усадьба семьи Руперти. «Территория, на которой было построено имение Липовка, входила сначала в большое поместье Архангельское, принадлежавшее сначала М.Ф. Марку... и была им подарена семье дочери Фанни. Название Липовка было дано имению ее мужем, Альфредом Александровичем Руперти и построено в 1907 году по его заказу архитектором И.В. Жолтовским... К имению Липовка была проложена новая дорога от Дмитровского шоссе, спроектированная как цепь аллей, обсаженных какой-нибудь одной породой деревьев (липа, береза, лиственница); в конце каждой аллеи был сделан резкий поворот, придающий особую живописность дороге. Автор проекта ландшафтной архитектуры неизвестен»³⁹. До начала 90-х годов XX века аллеи эти были истинным украшением окрестностей – сегодня же они чихнут на глазах.

Стремление Марков расширить свои владения сталкивалось с интересами местных жителей и церковного причта. Официальный – по бумагам – владелец Архангельского-

Тюрикова, София Карловна Марк, предприняла в 1891 году попытку обменять 20 десятин сопредельных усадебным землям плодородных церковных пашен на гораздо менее выгодный и расположенный далеко от церкви участок. Так как Успенская церковь оставалась приписной, этим попыткам противостоял настоятель Крестовоздвиженского храма Сергей Николаевич Буровцев, назначенный туда в 1882 году и служивший вместе с псаломщиком Сергеем Алексеевичем Блошиным:

«Вся она всегда (церковная земля – сост.) была прежде удобряема и в настоящее время весьма хорошо удобрена и засеяна частью хлебом, большею же частью – кормовыми травами, и причт, посему, в течение многих лет, без всякой со своей стороны затраты на удобрение может пользоваться отличным покосом <...> Итак, означенная церковная земля по качеству своему и местонахождению удобна и выгодна как для пользования самому причту, так и для отдачи в аренду.

Нельзя сказать сего о земле предлагаемой 2-жею Марк взамен ее»⁴⁰.

Из желания прекратить дело «миролюбием со своей стороны» причт на обмен согласился, однако выставил ряд условий, на выполнение которых Марки пошли после подачи на них судебного иска Московской Духовной Консистории.

С началом в 1914 году войны Мориц Филиппович был поставлен перед необходимостью принять русское подданство для спасения фирмы Вогау. Мария

Альфредовна вспоминает, как тяжело он переживал эту вынужденную меру. В следующем, 1915 году подмосковные имения Марков и Руперти были разорены крестьянами. Своевременное вмешательство хозяев (а по сути – случайность) спасло Липки (постройки, но не имущество), Архангельское же со всеми своими деревянными дачами было сожжено дотла и разграблено. Через два года имение национализировали – пришла революция.

«Бабушка и дедушка уехали в Германию осенью 1918 года. Они уехали по закону об обмене русских в Германии на немцев в России. У владельцев торгового дома Вогау были за границей средства. В финансовых делах я разбираюсь плохо, но помню рассказы о том, что пароход, грузный чаем, спасся от большевиков и попал в Англию. Было учреждено общество Браун-Марко с конторами в Берлине и Лондоне. Масштаб действия этих контор был, конечно, минимальный в сравнении с фирмой Вогау в Москве. Вообще, как все это действовало, я совершенно не знаю. Знаю только, что у участников фирмы Вогау и, главным образом, у директоров, было достаточно средств для приличного существования»⁴¹. В Дрездене, в доме на Шнорштрассе, приютившем многих их родственников, чета Марков и окончила свои дни: Мориц Филиппович в 1928 году, София Карловна – в 1933.

В Германии же оказалась дочь Фанни Морицевны и Альфреда Александровича Руперти – Мария со своим мужем Исаем Александровичем Добровейном (настоя-

Храм Успения в 1916 г.

щая фамилия – Барабейчик, 1891, Н. Новгород – 1953, Осло), известным в России музыкантом. Как свидетельствует редактор книги «На рубеже двух эпох» Маргарита Прянишникова, «семья Добровейн поселилась сначала в Дрездене, где Исай Добровейн выступал в 1920-х годах как пианист, дирижер и постановщик. Приобретя известность, он постепенно расширял географию своих гастрольных поездок: сначала по городам Европы, а затем и в Америке»⁴², а также в Палестине и Египте. В 1930-е годы, во время гитлеровских гонений на евреев, семейство Добровейнов сменило гражданство, переехав в Норвегию. Там, в городе Ларвик, и поныне живет родившийся в 1920 году в Москве сын Марии Альфредовны, правнук Морица Филипповича Марка, Александр Добровейн.

**Встреча настоятеля храма Успения Пресвятой Богородицы
священника Константина Буфеева
с Александром Исаевичем Добровейном,
правнуком последних дореволюционных владельцев
усадьбы Архангельское-Тюриково.
23 марта 2003 г.**

Александр Исаевич возглавляет Общество норвежско-русской дружбы, прекрасно говорит по-русски. 23 марта 2003 года он посетил Москву. В гостинице «Будапешт» состоялась его встреча с настоятелем храма Успения священником Константином Буфеевым. В ходе

беседы гостю был вручен образ с видом восстановленного храма. Александр Исаевич любезно предоставил для церковного архива несколько фотографий из своего семейного альбома, за что и выражаем ему искреннюю признательность.